

«Я - сталинский пёс!..» (С. Н. Миронов-Король)

С именем комиссара госбезопасности Сергея Миронова связано множество кровавых тайн нашей и зарубежной истории, далеко не полностью раскопанных историками. Это была весьма и весьма примечательная личность, рассказать о которой могут не только ещё недавно секретные документы, но и интереснейшие воспоминания, записанные Мирой Яковенко за вдовой Миронова Агнессой Ивановной. Эта яркая и памятьливая женщина передала в своих рассказах множество черточек того страшного времени, на которое пришлось ее беззаботная молодость.

Агнесса Аргиропуло и ее сестра были первыми красавицами в Майкопе. Их отец, потомок грека, перебравшегося в Россию из Турции, нашел себе невесту в Барнауле и увёз на юг. Юность Агнессы пришлось на гражданскую войну. Старшая сестра вышла замуж за белого офицера, вскоре расстрелянного большевиками, а младшая, Агнесса, — за чекиста-пограничника, сына священника.

Несколько лет спустя, живя в Ростове, она встретила другого чекиста, бравого красавца Миронова, который в свободное время растолковывал жёнам начсостава политграмоту, и через некоторое время закрутила с ним тайный, но бурный роман. Она специально зубрила абсолютно не интересовавший её марксизм, чтобы произвести впечатление на симпатичного преподавателя, обладателя необыкновенно пушистых ресниц.

Миронов, к тому времени женатый на энергичной боевой подруге, умевшей лихо гарцевать верхом, не устоял перед чарами нежной Агнессы. Любовь оказалась сильнее всего, что могло разделять их. Она называла его Мирошей, он её — Агой. Человек ортодоксальный и уверенный в правильности всего, что делалось тогда, Миронов как-то на полушутливый вопрос возлюбленной: «А что, если бы вдруг я оказалась белогвардейкой или шпионкой?», твердо ответил: «Расстрелял бы», но, увидев её ошеломлённые слезы, добавил: «А потом бы застрелился сам»... Шесть лет они встречались тайком, но Миронова в 1931 г. перевели в Казахстан, и он уговорил Агнессу бросить мужа и ехать с ним [210] .

Карьера Мироши

По настоящему Сергея Наумовича Миронова звали Мирон Иосифович Король. Уроженец Киева, он был в детстве большим сорванцом и заводилой, но благодаря недюжинным способностям блестяще окончил училище и, преодолев процентную норму для евреев, смог поступить в Киевский коммерческий институт. Когда началась первая мировая война, он распрощался с карьерой будущего юриста и ушел добровольцем на фронт. Способный и храбрый артиллерист, он смог к 1917 г. дослужиться из рядовых до прапорщика, потом демобилизовался и пытался продолжить образование, но тут забушевала гражданская война.

Миронов выбрал сторону большевиков, обещавших социальное и национальное равноправие. Он партизанил, болел тифом, потом воевал в Красной Армии, весной 1920-го вновь угодил в госпиталь — уже с возвратным тифом. Много лет спустя он рассказывал новосибирским чекистам, как услышал от бредящего соседа по больничной палате, что тот — не только красный командир, но и польский шпион. Поведав об этом комиссару госпиталя, Миронов встретился с работником особого отдела, который «по всем правилам меня завербовал».

Как хвастливо вспоминал в 1937-м главный сибирский чекист, рассказывая биографию сотрудникам управления на партсобрании, «я получил от умирающего шпиона-разведчика явки, пошёл по этим явкам и в результате была вскрыта большая польско-германская контрреволюционная шпионская организация» [211]. Такова его версия относительно приобщения к миру разведки и контрразведки. Миронов быстро вырос по своей новой службе, и когда 12-я армия под натиском Пилсудского отступила из Польши, был оставлен на польской территории «для тыловой диверсии». Вернувшись в Киев, он (если верить словам самого Миронова) в конце 1920 г. вскрыл в Киеве ещё одну польскую разведсетку и получил ответственный пост в Особом отделе Первой конной армии, которой командовал Семён Будённый. Польская разведывательная сеть на Украине действительно была серьёзной, а ее разгром — очевидным успехом советской контрразведки, но чекисты постарались из всех сил раздуть её масштабы, отчитавшись о тысячах выявленных шпионов.

Известно, что в период войны с Польшей чекисты смогли эффективно выявить и разгромить созданные на советской территории разведывательные структуры польского Генштаба, известные как Польская организация войсковая (ПОВ). Согласно официальным данным, в Одессе была ликвидирована организация ПОВ, насчитывавшая свыше ста человек и поддерживавшая связи с Врангелем и Румынией. Филиалы ПОВ были выявлены и уничтожены в Киеве, Харькове, Житомире, Минске, Смоленске и других городах.

По далеко не полным данным, чекистами по делам польского шпионажа и ПОВ были арестованы 1.385 чел. К расстрелу приговорили 171 чел., к заключению в концлагерь на разные сроки — 127, к заключению в концлагерь до обмена с Польшей — 123. Были высланы — 89 чел., наложены штрафы в сумме 100 рублей золотом на 11 чел., умерли в процессе следствия 9 чел.; оправданы, освобождены за недоказанностью, под поручительство, под подписку, для зачисления в Красную Армию и т. д. — 852 чел. Последняя цифра явно говорит о том, что основная часть арестованных не имела к польской разведке никакого отношения. В связи с этими данными сведения А. А. Папчинского и М. А. Тумшица о ликвидации одесскими чекистами «польско-шпионской организации» с более чем тысячей участников выглядят крайне малодостоверными [212].

«Заговор» князя Ухтомского

Несколько месяцев спустя Миронов отличился во время белоказачьих выступлений на Северном Кавказе, когда так называемая «Армия спасения России» якобы пыталась организовать восстание и захватить Ростов-на-Дону. В 1937 г. Миронов с гордостью рассказывал о своих заслугах в деле борьбы с «белобандитами». Князь К. Э. Ухтомский, бывший генерал-лейтенант и герой сражений первой мировой войны, обвинённый в подготовке мятежа, был схвачен чекистами и обвинён в подготовке вооружённого мятежа. Ситуация на юге России действительно была опасной для властей, но поверить в официальную версию заговора довольно трудно — слишком хорошо она укладывается в традиционные чекистские схемы с непременно дворянами во главе организации и священниками-агитаторами.

О так называемом заговоре генерала Ухтомского существует подробный рассказ в мемуарах маршала С. М. Будённого. После взятия Ростова тот обнаружил множество тухлой рыбы в реке. Показательно объяснение мемуариста: «Замаскировавшиеся белогвардейцы-казаки пойманную рыбу специально недосаливали, баржами отправляли в верховья Дона и Кубани, а там её выбрасывали в воду». Будённый отмечал, что, «по сведениям агентурной разведки, на Дону и Кубани находилось около семи тысяч бандитов, в их числе — немало бывших офицеров из армии Деникина и Врангеля. Это были не просто разбойники с большой дороги, а матерые враги, которым уже приходилось вести борьбу с Советской властью. Хуже того, эти бандиты имели большие связи на местах. Умело конспирируясь, они составили широкую сеть контрреволюционных элементов». Контрреволюционную организацию возглавляли трое: бывший царский и деникинский генерал-лейтенант князь К. Э. Ухтомский, бывший протоиерей, профессор церковного права и настоятель Ростовского кафедрального собора П. В. Верховский, бывший офицер царской и белой армии Д. И. Беленьков.

Согласно известным публикациям, в том числе и новейшим, вроде «Очерков истории российской внешней разведки», в Ростове в 1921 г. существовала белогвардейская подпольная «Армия спасения Россия», насчитывавшая около 200 вооружённых боевиков, преимущественно бывших офицеров. В окрестных донских плавнях и по хуторам прятались два казачьих отряда численностью до трёх тысяч. Подполье имело свою агентуру, в том числе среди штабистов Северо-Кавказского военного округа. Были составлены списки партийно-советского актива, подлежавшего уничтожению в первые же часы мятежа.

Но чекисты смогли внедрить своего сотрудника в штаб «Армии спасения России» и выяснить — с помощью внешней разведки — что ростовские повстанцы ждут высадки врангелевского десанта и должны выступить 23 июля. Получив информацию (совершенно фантастическую), что флот Врангеля вышел из Туниса и идёт к Чёрному морю, намереваясь захватить у Дарданелльского пролива ожидающие его пять транспортов с войсками, чекисты решились на превентивные действия, арестовав Ухтомского, скрывавшегося по документам

на имя отставного учителя К. И. Кубарева. Под давлением командарма Будённого взятый под стражу князь согласился сотрудничать с чекистами.

Сергей Миронов вспоминал, что получил от князя мандат, в котором от имени Ухтомского «назначался» командиром повстанческого отряда — как есаул Миронов. Взяв с собой полтора десятка бойцов, переодетых в белогвардейскую форму, «есаул» прибыл в «штаб» полковника Назарова (годом ранее Назаров командовал десантом, переброшенным по приказу Врангеля из белого Крыма под советский Таганрог) и потребовал у того немедленно сдать дела. Полковник отказался; тогда ночью мироновские орлы его разоружили и арестовали вместе со всем «штабом». По словам Миронова, он пять дней безнаказанно командовал полком Назарова, тем самым задержав выступление мятежников и получив за это в 1926 г. первый орден Красного Знамени. В память об этой операции Будённый по революционным праздникам не забывал поздравлять своего особиста. А Мирон Король с тех пор стал Сергеем Мироновым [213].

Мироновская версия этих событий, подтверждённая в мемуарах Будённого, выглядит очень тенденциозной и приукрашенной. Как пишут современные историки ФСБ, настоящий полковник Назаров был ранен при отходе с советской территории и затем убит бывшим городовым Н. Моисеевым, который присвоил документы покойного, после чего пробрался на Дон и выдал себя за Назарова. Чекисты раскопали эту историю, арестовали лже-Назарова в Ростове и пригрозили, что расскажут казакам правду о его преступлении. Тот был вынужден принять условия красных и написал приказ о капитуляции своего отряда. Вероятно, в этих событиях Миронов и поучаствовал. После этого Будённый встретился с представителями мятежных казаков в Ростове и станице Елизаветинской, убедив их в бесполезности сопротивления. Казаки вышли из плавней и сложили оружие. Одновременно чекисты арестовали боевиков «Армии спасения России», прятавшихся в Ростове.

На судебном процессе Ухтомский и его подельники отрицали вину. Как вспоминал Будённый, «Ухтомский признавал себя виновным только в том, что за несколько дней до ареста, по настоянию своих друзей и по слабоволию, подписал приказ о формировании «Армии спасения России» — формировании, которого, по словам обвиняемого, фактически не было. [...] В каждом из своих ответов на многочисленные вопросы, задаваемые председательствующим Ульрихом и прокурором Васильевым, подсудимый старался представить контрреволюционную организацию, им возглавлявшуюся, как «бутафорию», как «беспредметные разговоры молодых людей и истеричек, одержимых какими-то надеждами». [...] Беленьков... признавал себя виновным только в предъявлении при аресте подложных документов и в оказании помощи... группе контрреволюционных священников, находившихся под арестом. Верховский тоже отрицал свою принадлежность к контрреволюции, утверждая, что узнал о самом существовании этой организации за несколько дней до ареста, и признавал себя виновным только в недоносительстве».

В следственном деле на причастного к этой операции чекиста В. М. Шишковского, начальника оперштаба при полпредстве ВЧК Юго-Востока России, есть сведения, что по делу организации Ухтомского прошло 257 чел. Шишковского, судя по всему, сначала подсаживали к казакам в качестве внутрикамерного агента, а в 1922 г. полгода продержали под арестом по подозрению в связях с повстанцами (его знакомый Москвичев, арестованный по делу Ухтомского, пытался передать Шишковскому записку). Следует отметить, что полпред ГПУ по Юго-Востоку России Г. А. Трушин «отличился» во многих беззакониях, причём одной из жертв его преступной политики стал и Шишковский вместе со своей женой. Арестовав Шишковских по ложному обвинению, полпред затем освободил супругу чекиста, которую сделал любовницей. А приговорённый к расстрелу Ухтомский был помилован и сидел до конца 1932 г., после чего 65-летнего узника освободили из лагеря... [214]

О том же, каким страшным был красный террор на Кубани в 1921 г., говорит факт бессудных и спешных расстрелов «политтройками» трёх тысяч человек, многих из которых, по выражению К. Е. Ворошилова, «было бы желательно затем воскресить»... [215]

Война в горах

Довелось Миронову принять самое активное участие и в советизации Чечни. В 1923 г. фактический контроль за территорией Чечни, особенно за горной ее частью, находился у вооруженных повстанческих отрядов, руководимых имамами. В апреле 1923 г. Миронов, работавший начальником Восточного отдела в полпредстве ГПУ по Юго-Востоку России, состояние Чечни характеризовал как анархию, сочетающуюся с ростом шариатских тенденций и отсутствием советских аппаратов на местах. Религиозность населения доходила до «состояния экстаза, что видно по повальному выполнению по ночам религиозного танца «зюкри» (ныне он именуется зикр — А.Т.), а «наличие шариатских обрядов, судов и объединения, состоявшегося между шейхами Гоцинским, Алимитаевым, Ансалгинским и Белоходжи, образовавшими своего рода «Высший шариатский Совет»... означало подготовку к газавату».

По мнению чекиста, «участие Гоцинского и Белоходжи несомненно означает начало политической авантюры, подготовку к активным вооруженным выступлениям. ...Если в других областях нежелательно и опасно делать ставку на национальную интеллигенцию, то в Чечне это абсолютно необходимо, ибо всюду мы имеем хоть какую-нибудь советскую и партийную силу, а в Чечне никакой, и последнее время самое существенное — это то, что умиротворение Чечни и частичная советизация возможны лишь по ослаблении шариатского процесса...»

Миронов весьма точно указывал, что «спокойствие всего Северного Кавказа зависит от спокойствия Чечни и что наблюдаемый у нас на Северном Кавказе рост религиозности (обусловленный неразрешённостью ряда социально-экономических вопросов) чрезвычайно опасен, так как в истории

зафиксировано, что вооружённому восстанию горцев всегда предшествовал сильный подъём религиозных настроений».

Вскоре Миронов дослужился до поста начальника Чечено-Грозненского облотдела ОГПУ. Ситуация в регионе оставалась очень острой, о чём, в частности, свидетельствовал чекистский обзор политического состояния СССР за декабрь 1924 г.: «На Северном Кавказе многочисленные грабежи и угоны скота не прекращаются. Наиболее остро вопрос стоит в Дагестане и Чечне, где к отмеченным явлениям присоединяются случаи кровничества и вооружённых столкновений. Почти каждый более или менее крупный конфликт оканчивается перестрелкой и влечет за собой сильное обострение взаимоотношений в дальнейшем. В Чечне в последнее время начал развиваться новый вид бандитизма — увод в плен людей с целью получения выкупа» [216]. Серьезного результата удалось достичь только в 1925 году, во время чекистской операции (совместно с армейскими частями) по разоружению чеченского населения.

Миронов принял активнейшее участие в подавлении выступлений непокорных горцев. Война в горах была непростой. Миронов рассказывал Агнессе, что как-то раз один из чеченцев-проводников завел чекистский отряд в безнадёжное ущелье, где миронцев чуть было всех не перестреляли. Уйдя от засады, Миронов лично допросил того горца-проводника, а потом застрелил его. Этот урок помог чекисту: вскоре он сам загнал лидера повстанцев легендарного имама Н. Гоцинского — помещика и ученого-арабиста, воевавшего с Советами с 1918 г. — в похожее ущелье и вынудил сдаться. Точнее, под страхом беспощадных репрессий Гоцинского выдали свои же. Миронов за его пленение и другие заслуги получил второй орден Красного Знамени (в 1930 г.); имама же без суда расстреляли по постановлению полпредства ОГПУ по Северо-Кавказскому краю от 28 сентября 1925 г [217].

С 1925 г. Миронов руководил Владикавказским окружным отделом ОГПУ, а в 1928–1931 гг. — Кубанским окротделом-оперсектором ОГПУ. В этих хорошо знакомых местах ему, надо полагать, было психологически несложно проводить «раскулачивание» зажиточных кубанцев. Потом были казахские степи. В Казахстане Миронов работал заместителем у полпреда, распутного вдовца и пьяницы В. А. Каруцкого, и от греха подальше забирал жену во время командировок с собой. Страшные картины повального голода мало трогали закалённого чекиста; его быт был налажен отлично, трупы в брошенных жилищах казались неизбежной платой за перевод отсталых кочевников на оседлость. Миронов проводил досуг с любимой женой, возился с приемной дочкой (своих детей у них не было и роль дочери выполняла племянница Аги), увлечённо играл в шахматы, карты и бильярд, обожая выигрывать [218].

После захолустного Казахстана был такой же голодный, но тёплый Днепропетровск, где Миронов в 1933–1936 гг. возглавлял сначала областной отдел ГПУ, а затем — облуправление НКВД. Переезд на Украину сопровождался запутанной ведомственной интригой. По мнению В. А.

Золотарёва, снятие успешного начальника Днепропетровского облотдела ГПУ Я. К. Крауклиса, возможно, было связано с желанием обновления аппарата новым секретарём обкома М. М. Хатаевичем (будущим вторым секретарём ЦК компартии Украины), который был крайне властной личностью и явно желал, чтобы в «его» ГПУ прислали нового человека.

В июле 1933 г. по каким-то причинам лишился должности полпред по Нижне-Волжскому краю П. Г. Рудь, ранее занимавший пост замполпреда ОГПУ по Северо-Кавказскому краю. Хатаевич, знавший Рудя, пригласил его в Днепропетровск, Политбюро ЦК КП (б) У 17 августа утвердило последнего в должности, но чекист пробыл начальником облотдела всего несколько дней. Неожиданно отозванный в Москву, Рудь был выведен за штат и несколько месяцев работал в Переселенческом комитете при ЦИК СССР, после чего загадочным образом оказался возвращён в ОГПУ. Учитывая, что Миронов много лет работал под началом Рудя, логично предположить, что он стал его креатурой, принятой Хатаевичем. Да и сам Миронов, единственный из всех чекистов Украины имевший целых два ордена Красного Знамени, мог показаться верхам подходящей кандидатурой на ответственную должность.

Новый начальник прихватил с собой считанных казахстанцев (например, В. И. Окруя, назначенного начальником всего лишь Запорожского горотдела НКВД) и на три года обосновался в Днепропетровске, опираясь на местные кадры. Его заместителем был А. В. Сапир, начальниками основных отделов — М. И. Говлич, М. Я. Кларов-Соловейчик, И. М. Красков, А. М. Ратынский. Племянник Миронова запомнил выделенный начальнику облотдела старинный двухэтажный особняк со множеством комнат на втором этаже, туалетами и ванными в каждом крыле, кинозалом и бильярдной [219] .

Ситуация в пожираемой голодом Украине напоминала казахстанскую. К марту 1933 г. в плодородной Днепропетровской области, по чекистским данным, 1.700 чел. умерли, а 16 тыс. — опухли от голода. Местные чекисты в разговорах между собой без обиняков (как начальник СПО Говлич и его подчинённые) обвиняли партийное руководство в голоде и хозяйственных неурядицах, задавая себе вопрос, не находивший ответа: «Куда это всё идёт?» [220]

В своей служебной деятельности Миронов руководствовался приказами председателя ГПУ Украины В. А. Балицкого и его заместителя К. М. Карлсона. Среди них попадаются очень характерные документы. Например, Карлсон отмечал, что отделы республиканского ГПУ и местные органы специальными повестками вызывают ответственных работников-коммунистов, руководителей учреждений и предприятий «для получения от них различного рода сведений, а также и для вербовочных целей», причём чекисты осуществляют эти вызовы в «недопустимо грубой форме». Карлсон приказал вызывать в ГПУ ответственных работников для показаний и вербовок только с ведома начальников отделов, чаще практиковать телефонные переговоры, а форму повесток изменить с целью придания ей большей корректности. А в приказе от

29 июля 1934 г. тот же Карлсон с неудовольствием отмечал практику опоры на показания единственного агента при расследовании крупных дел [221] .

По приказу всеильного Балицкого чекисты под видом охраны первых лиц в центре и на местах следили за партийно-советским руководством, подслушивали их телефоны и всё интересное докладывали своему наркому. Миронов, конечно, тоже собирал материалы на партийного босса Хатаевича. Днепропетровский чекист пользовался доверием Балицкого, с окружением которого отчаянно резался в карты, подчас специально проигрывая крупные суммы, и от которого, кстати, получил деньги на шикарное празднование свадьбы с Агнессой, на которой гуляло всё чекистское начальство. Отпуск Мироновы проводили в Сочи, Гаграх или Хосте, где располагался санаторий ЦК КП (б) Украины, а летом чекист вывозил семью в Бердянск, на служебную дачу НКВД [222] .

Сведения Агнессы о картёжном досуге супруга и тесном общении с одним из заместителей Балицкого (им был З. Б. Кацнельсон) подтверждаются показаниями замначальника Управления пограничной и внутренней охраны НКВД УССР комбрига П. В. Семёнова, который охарактеризовал Зиновия Кацнельсона так: «Хам, картёжник и законченный циник, пьяница... [по кличке] «Зина». Был крепко связан по пьянкам и картёжным делам с [особоуполномоченным Н. Л.] Рубинштейном, [начальником республиканской милиции Н. С.] Бачинским, Мироновым, [начальником УНКВД по Киевской области Н. Д.] Шаровым» [223] . Таким образом, здесь Миронов оказался единственным чекистом из провинции, вошедшим в избранный круг руководящих работников наркомата.

А потом настала осень 1936 г., когда новый нарком внутренних дел Ежов назначил своим замом пограничника М. П. Фриновского, долго служившего на Северном Кавказе. На всех северокавказских чекистов сразу дождём посыпались высокие назначения, причём Миронов получил начальническое место в огромном УНКВД по Западно-Сибирскому краю. Карьера была главным делом его жизни, и в этот момент Сергей Наумович почувствовал, что в его судьбе начинается самая блестящая полоса.

Сибирские заговоры

В 1936–1937 гг. эта пара была самой красивой в Новосибирске. Статный широкоплечий военный и его задорная модница-жена несколько месяцев блистали в столице Западно-Сибирского края. Сам могущественный сталинский наместник Роберт Эйхе, подчас заискивал перед Сергеем Мироновым и его молодой женой. И неудивительно — Миронов в разгар террора был не просто начальником краевого НКВД, а чекистом-орденоносцем, пользовавшимся особым доверием Ежова.

Он приехал в Новосибирск с женой, роднёй и доверенной свитой в декабре 1936 г., получив в безраздельное пользование великолепный особняк, в котором

когда-то останавливался генерал-губернатор. В доме, как и в Днепропетровске, был даже кинозал. Любопытно, что из Днепропетровска Миронов не привёз никого из заметных сослуживцев, что сильно расходилось с тогдашней общепринятой практикой. Но несколько позже он «выписал» в Новосибирск видных чекистов-северокавказцев.

Первый секретарь крайкома Р. И. Эйхе, кандидат в члены Политбюро ЦК, озабоченный засильем «вредителей» на железной дороге, в сельском хозяйстве и Кузбассе, быстро сошёлся с опытным чекистом. Миронов с первых недель своего пребывания в Новосибирске одну за другой писал докладные «первому», в которых сообщал о раскрытии всё новых и новых заговоров, обстоятельно сообщая, кто из арестованных «капитально передопрошен» и начал давать «правдоподобные показания о методах вредительства», а кто уже «раскис» и в «ближайшие дни прекратит сопротивление». Знаменитого партизана В. П. Шевелева-Лубкова Миронов допрашивал вместе с Эйхе, и тот под давлением секретаря крайкома в итоге признал себя виновным [224]. Миронов оказывал сильное влияние на Эйхе, создавая впечатление о том, что тот окружён вредителями и заговорщиками.

Действительно, «контрреволюционеры» были везде. Очень живой и непосредственной реакцией на официальную пропаганду был протест учащейся молодёжи. В Томском технологическом институте после процесса Зиновьева-Каменева в одной из аудиторий на столе появились рисунки могил с надписями вроде: «Здесь покоится раб божий Зиновьев, погибший от приговора советского судилища», а в стенгазете химического факультета — язвительная заметка «Талантливый педагог», в которой автор «обрушивается на преподавателя соц. экон. дисциплин Иванова за то, что он в отношении троцкистов употребляет такие эпитеты, как гадины, стая шакалов, бешеные собаки и т. п.» [225].

А в кемеровском химическом техникуме в начале 1937 г. студент Козлов выколол глаза «на портрете тов. Сталина». Чекисты доносили в крайком, что стоявший рядом студент Лунин в ответ на такое надругательство над вождём цинично заявил: «А я ему промою глаза», и «тут же имел намерение произвести естественную надобность». Потом Лунин в вестибюле техникума, «обращаясь к бюсту тов. Сталина, заявлял: «Иосиф Виссарионович не умылся сегодня», после чего «стал плевать ему (бюсту — А. Т.) в лицо и тереть рукавом». В техникуме арестовали двоих. В мае чекисты арестовали троих студентов 4-го курса Кемеровокомбинатстроя, утверждавших, «что не тов. Сталин, а Троцкий является вождем партии... Троцкому и троцкистам принадлежат заслуги Октябрьских завоеваний» [226].

Протест молодёжи списывали на влияние «троцкистов». Все, кто ранее примыкал к оппозиции, сводились в заговорщицкие группы, щедро пополняемые и теми лицами, кто никогда не был сторонником левого или правого уклона. В апреле 1937 г. выездная сессия Военной коллегии Верховного Суда СССР посетила Новосибирск и сообразно спискам, несколько ранее подписанным Сталиным, расстреляла большую группу «врагов». 6 и 7 апреля

были осуждены к высшей мере наказания известные сибирские коммунисты-троцкисты М. И. Сумецкий, И. Н. Ходорозе, И. Е. Райков, Б. В. Орешников и другие. Бывший военком 4-й конвойной дивизии ОГПУ Б. М. Оберталлер почти на полтора года отсрочил свою гибель, согласившись стать внутрикамерным провокатором, уговаривавшим арестованных признать вину в обмен на улучшенное питание и обещание уменьшить наказание. Ещё более активным агентом-наседкой подвизался также осуждённый к высшей мере экс-троцкист инженер С. Е. Франконтель, обработавший в нужном следствии духе около сотни узников.

Однако выездная сессия не ограничилась осуждением лишь этой группы троцкистов. Также были уничтожены бывшие оппозиционеры из системы водного транспорта, к которым ради массовости присоединили многих их коллег, в том числе уже отбывавших заключение. Так, 9 апреля 1937 г. оказались осуждены работники Западно-Сибирского речного пароходства. Среди 14 подвергнутых стремительному военному суду водников были основные руководители отрасли:

Страус Георгий Александрович, 1901 г. р., член компартии с 1919 г., бывший начальник политотдела Западно-Сибирского речного пароходства, исключённый из партии 15 декабря 1936 г. как «активный участник контрреволюционной троцкистской организации»; Серебрянников Фёдор Иванович, 1898 г. р., член компартии с 1919 г., до 1935 г. работал заместителем начальника политотдела пароходства. В 1936 г. за «троцкистскую деятельность» Особым совещанием НКВД СССР был осуждён на 5 лет лагерей; Цыкин Георгий Фёдорович, 1901 г. р., член компартии с 1925 г., до 1935 г. — председатель месткома новосибирского речного порта. В 1936 г. за «троцкистскую деятельность» Особым совещанием НКВД СССР был осуждён на 5 лет лагерей; Константинов Борис Григорьевич, 1905 г. р., член компартии с 1925 г. Работал главным инженером Самусьского затона; Корсаков Константин Петрович, 1899 г. р., член компартии с 1924. Работал директором новосибирского судоремонтного завода; Несмачный Владимир Иванович, 1885 г. р., беспартийный. Работал главным инженером стройотдела управления пароходства; Креслов Василий Иванович, 1902 г. р., член компартии с 1922. Работал начальником службы пути управления пароходства; Семёнов Владимир Андреевич, 1899 г. р., член компартии с 1920 г. Работал директором Самусьского затона...

Этот список, конечно, неполный

Дело на речников готовилось давно. Ещё весной 1934 г. о Страусе дал компрометирующие показания известный публицист «бухаринской школы» Владимир Кузьмин, арестованный в Новосибирске. Следователь СПО С. П. Попов, «вытряхнувший» из Кузьмина эти показания, в 1935 или 1936 г. поставил перед своим начальником И. А. Жабревым вопрос об аресте Страуса. Тот согласился и обещал поговорить об этом с тогдашним начальником управления Каруцким. Будучи сам арестован, Попов жаловался, что

составленную им справку на арест Страуса после отъезда Жабрева осенью 1936 г. нашли «запрятанной» и пылившейся в одной из папок... С приездом Миронова дело на троцкистских заговорщиков завертелось быстрее и закончилось большим закрытым процессом.

Все причастные лица обвинялись в принадлежности к троцкистско-зиновьевской террористической организации, созданной Г. А. Страусом. Им вменялись срыв планов как нового судостроения, так и судоремонта, совершение умышленных аварий с целью срыва перевозки грузов. А Страуса ещё обвинили в создании террористических групп из «кулацкого и белобандитского элемента».

При проверке дела оказалось, что никакого вредительства в пароходстве не было. Следователь Г. Б. Румшевич сам был в 1938 г. арестован и несколько месяцев провёл за решёткой как враг народа, а после освобождения его уволили из НКВД за преступные методы следствия. Другой видный оперативник Транспортного отдела НКВД — Е. П. Машпанин — в 1957 г. показал о необъективности следствия. Руководивший ими начальник Транспортного отдела А. А. Ягодкин, характеризовавшийся коллегами как пьяница и наркоман, был в 1939 г. осуждён за нарушения законности; в том же году застрелился уволенный за аналогичные нарушения бывший начальник Водного отдела УНКВД А. В. Баталин. В августе 1957 г. приговор Военной коллегии в отношении группы Страуса был отменён [227].

Между тем инакомыслие проявлялось даже в разгар террора. 8 июля 1937 г. по докладу Миронова крайком принял особое постановление о «контрреволюционном литературном кружке» в Троицком районе (современный Алтайский край), организованном в 1932 г. «праволевацкими уродами из контрреволюционного журнала «Настоящее»». Группа молодёжи, в т. ч. комсомольской, сплотившаяся вокруг руководства районной газеты во главе с И. Ф. Сапруновым, обменивалась запрещённой литературой (И. Буниным, С. Есениным, Л. Троцким, Библией), сочиняла и записывала «антисоветский фольклор», вела «гнусные клеветнические разговоры против партии и советской власти» и утверждала, что литераторы «не должны подпевать эпохе». За то, что местные власти прозевали вражеское гнездо, секретарь райкома и его заместитель получили строгие выговоры [228].

«Повинуясь патриотическому долгу...»

Негласный аппарат при Миронове подвергся основательной чистке. Осведомителей, не дававших каких-то ценных материалов и державшихся для отчётности, выбрасывали из сети. Если они были из чуждой среды, с ними расправлялись. Недостатка в новых агентах не было.

Более чем достаточно имелось осведомителей в партийных и советских кругах, учреждениях и вузах. Например, Г. П. Гиргенсон начинал свою секретную службу в 1924 г. — его, бывшего дворянина, попросили помочь в борьбе со

шпионами. Работая заведующим иностранным отделом Госбанка в Новониколаевске, он получил задание установить связь с работниками германского консульства, чтобы наблюдать и их самих, и окружение этих немцев, что исправно и делал до 1930 г.

Два года спустя Гиргенсона переключили на освещение сотрудников самого банка, указав, что он должен внедриться в существующую там контрреволюционную организацию: «Однако несмотря на приложенные старания, Гиргенсон не обнаружил в банке контрреволюционной организации. Он доносил об отдельных ненормальных явлениях в работе банка, но органы НКВД не верили его сообщениям, что контрреволюционной организации в банке нет».

В итоге заведующий отделом денежного обращения крайконторы Госбанка Гиргенсон был в 1937 г. арестован по делу контрреволюционной организации в Госбанке и в 1939 г. от военного трибунала СибВО получил «вышку», заменённую 15 годами заключения. «Органы» не забыли про старого агента — с 1942 г. его использовали по второй специальности в новосибирском лагере интернированных [229].

Сексот УНКВД Н. Н. Протопопов, работавший в новосибирском институте народного хозяйства, в 37-м участвовал в делах по японскому шпионажу. Когда профессор Н. Н. Трифонов (ранее живший в Маньчжурии) передал в Москву через Протопопова письмо своему знакомому, знаменитому профессору Н. В. Устрялову, агент, «повинуясь патриотическому долгу», сообщил об этом в НКВД. При получении письма Устрялов, по словам Протопопова, держал себя «крайне сдержанно» и не дал никаких зацепок. И Трифонов, и Устрялов были расстреляны... А Протопопов сделал отличную карьеру.

Другим конспиративным работником в том же нархозе являлся И. М. Ведягин. Ещё одним — студент (в 1933–1937 гг.) В. П. Жеребцов, который в качестве агента постоянно давал разоблачительные показания на учащихся, выступал как свидетель обвинения на суде по делу «шпионско-фашистской» группы студентов [230].

Крайне опасными для властей выглядели верующие всех толков, сплочённые вокруг своих проповедников. Поэтому с начала 20-х годов церковные круги были густо пронизаны агентурной сетью, что позволяло при необходимости быстро объединять «церковный актив» в контрреволюционные заговорщицкие организации. Ценным сексотом, работавшим на «органы» с 1929 по 1952 гг., был «Демосфен» — Н. В. Сырнев, с начала 30-х годов служивший священником новосибирских Турухановской и Успенской церквей: «Как агент характеризовался положительно. На протяжении всего времени участвовал в разработке антисоветского элемента среди духовенства».

Видным агентом был и М. Ф. Костромин («Калиновский»). Этот счётный работник был завербован ещё в декабре 1923 г., в возрасте 18 лет. Биография

его темна. В 1926–1954 гг. он жил в Новосибирске, причём на 1937 г. — в номенклатурном 120-квартирном доме в центре сибирской столицы. Этот семиэтажный дом был буквально набит чекистами, поэтому напрашивается мысль, что «Калиновского» не только держали рядом с его «оператором», но и использовали как содержателя конспиративной квартиры. Словом, можно догадаться, за какие такие заслуги он получил жильё в самом престижном здании Новосибирска.

В 1936–1937 гг. этот агент вёл разработки «среди духовенства и бывших людей», которые чекистами были названы «Восточники» и «Сборные», а потом благополучно «ликвидированы». В 1938 г. Костромину поручили участие в очень крупной разработке «Юродивые», по которой проходило свыше 100 фигурантов, а с конца 1939 г. он «использовался по разработке ряда подучётников... сектантов». В июле 1946 г. агента исключили из сети «из-за отсутствия связи среди антисоветского элемента и болезни». С 1954 г. Костромин был священником Преображенской церкви в казахстанском г. Уральске.

Агентурой в «чуждой» среде в нужный момент легко пожертвовали ради больших дел. Под пулю были отправлены осведомители и агенты самых высоких рангов. Настоятель новосибирского Успенского собора С. Н. Миловидов, приехавший из Владимирской области в середине 1930-х гг. и работавший на НКВД, как-то услышал от обновленческого митрополита А. П. Введенского (его не следует путать с известным столичным пионером обновленческого раскола А. И. Введенским) вопрос: «Что нового у товарищей?»

Сексот позднее вспоминал, что сразу «понял, что он, так же как и я, работает по заданию органов НКВД. Я в этом разговоре не подал вида и спросил лишь, о каких товарищах он говорит». Введенский был арестован и расстрелян уже после отъезда Миронова. В апреле 1937 г. был арестован и затем уничтожен другой осведомитель НКВД — лидер евангельских христиан Западной Сибири О. И. Кухман (но не исключено, что Кухман вёл с чекистами свою игру) [231].

При Миронове начались массовые аресты православных священников, поводом к которым стала так называемая «чёрная демонстрация», когда на следующий день после празднования Первомая до пяти тысяч новосибирцев хоронили своего митрополита Никифора (по иронии судьбы, бывшего осведомителя ОГПУ). Проход огромной траурной процессии по улицам, разукрашенным флагами, портретами вождей и лозунгами, был воспринят как дерзкий вызов. Арестам подверглись основные церковнослужители края.

Одновременно истребительный удар обрушился на католиков и евангельских христиан, а также и мусульман. Сексот Саид Шагимарданов в середине 30-х годов участвовал в разложении мусульманской общины в Новосибирске. На 1937 г. он был агентом КРО и дал, в частности, показания и на собственного брата.

Удар по евангельским христианам края затронул все их многочисленные общины, потерявшие летом 37-го своих проповедников и множество активных членов — до 800 чел. Истребление священников и проповедников всех толков было практически поголовным [232] .

Тем не менее церковные круги старались помогать невинно пострадавшим. Например, у церковного сторожа И. Д. Мартынова нашли более 6 тыс. руб., которые были выручены от продажи иконок и поступили в качестве пожертвований заключённым. А когда уже после всех опустошительных арестов в Новосибирске распространились слухи о том, что после проигрыша в грядущей войне и прихода власти «господа бога» всех некрещёных детей будут убивать, то в течение короткого времени было совершено около 150 крещений [233] .

При С. Н. Миронове начались — в соответствии с указаниями из Москвы — фабриковаться дела на медицинских работников, обвинявшихся в «бактериологической диверсии». Волчек, секретный сотрудник ОГПУ — НКВД, был основным поставщиком сведений для агентурной разработки «Медики», реализованной в 1937-38 гг. и уничтожившей множество новосибирских врачей.

Агенты, проявлявшие строптивость, уничтожались беспощадно. В марте 1937 г. кемеровские чекисты арестовали своего осведомителя, бухгалтера городской аптеки 48-летнего Сергея Кутепова, младшего брата генерала А. П. Кутепова, — того самого, которого чекисты ликвидировали в Париже в 1930 г. Тот категорически отказывался признать вину, даже после перевода в Новосибирск, к лучшим костоломам края. Так и не дав показаний своим мучителям, С. П. Кутепов выбросился из окна здания УНКВД.

Но и вполне лояльными стукачами чекисты жертвовали без долгих раздумий. Супруга Г. В. Коршикова, заведующего сектором крайплана ЗСК и арестованного в качестве участника правотроцкистского заговора, «до ареста являлась секретным сотрудником НКВД, узнавала от мужа о поведении лиц, работавших вместе с ним и арестованных впоследствии, и сообщала в органы». Арестованная вслед за мужем, она жаловалась, что чекист при аресте заверил её, «что меня необходимо было взять со всеми жёнами, чтобы не расшифровывать работу НКВД, для этой же цели он заставил меня подписать протокол, не соответствующий никакой действительности. ... Я совершенно честно заявляю, что если бы я хоть что-нибудь знала о Коршикове, я тотчас бы сообщила об этом партии и НКВД» [234] .

Видный организатор производства М. И. Гольдберг, перевоза своих приближённых из Иваново-Вознесенска на масштабное строительство меланжевого комбината в Барнаул, наверное, не подозревал, что среди них находятся несколько информаторов «органов». С 1930 г. осведомителем, завербованным еще в Иваново, был В. В. Горшков («Алексей»), работавший начальником ТЭЦ меланжевого комбината. Однако барнаульцы обвиняли его в

том, что «Алексей» не давал ценных материалов. Чекисты уверяли, что арестованный в феврале 1937 г. Гольдберг знал о работе Горшкова в НКВД (и, кстати, упрекали Гольдберга в негативном отношении к себе — для встреч с агентурой он выделил чекистам «плохую комнату рядом с уборной»). Жена Горшкова О. Г. Адлер тоже была осведомителем — по линии СПО. А по линии ЭКО на комбинате стучали начальник электроотдела Новодежкин, инженер Бакш, начальник планового отдела, начальник одного из цехов, директор центральных ремонтных мастерских, ещё ряд инженеров и техников [235] .

Новосибирские чекисты, арестовав как «троцкиста» своего коллегу Б. И. Сойфера, ранее работавшего в Барнауле и имевшего на связи около 150 осведомителей, поставили своей целью сделать его одним из организаторов «заговора» в Барнаульском ГО НКВД. Съездивший в начале мая 1937 г. в Барнаул помощник начальника УНКВД И. А. Мальцев привёз очень перспективные сведения. Оказывается, ещё в октябре минувшего года в горотдел НКВД поступила анонимка, в которой утверждалось, что в Барнауле и в крае в целом имеется диверсионно-террористическая организация, планирующая взрывы железнодорожных мостов, уничтожение электростанции меланжевого комбината, убийство Эйхе и Грядинского.

Но барнаульские чекисты никаких мер по этому письму не предприняли. Между тем, в январе 1937 г. на базарной площади был обнаружен труп догола раздетого Попова — мужа осуждённой троцкистки Доброумовой. А весной недалеко от этого места вытаял мешочек с аналогичной анонимкой, причём, похоже, написанной почерком Попова. В этом письме, в частности, среди врагов указывался начальник машинного зала ТЭЦ меланжевого комбината М. И. Лондон, который «гуляет на свободе».

Для Миронова это выглядело важнейшими уликами, которые могут связать барнаульских «троцкистов» с местными чекистами-изменниками и их «двурушнической» агентурой. Он крепко вцепился в это дело. Ознакомившись с мнением Ивана Мальцева, заявившего, что местные чекисты, среди которых есть чуждые и разложившиеся, совершенно забросили освещение окружения ссыльных троцкистов Х. Г. Раковского и Л. С. Сосновского, а 60 % инженерного осведомления по меланжевому комбинату — явные двурушники, Миронов 4 мая 1937 г. написал С. П. Попову:

«1). Арестовать всех лиц, не требующих санкции центра, связанных с делом Гольдберга.

2) Здесь была шпионско-диверсионная троцкистская правая организация переплетающаяся с японцами в составе не только уже арестованных Гольдберга-Буторова и других, но группы Сойфера и нашей провокационной агентуры. В этом направлении вести дело группы Сойфера.

3). Троцкистский архив Раковского, Сосновского и др. срочно и детально разработать».

Одновременно начальник управления адресовал указания насчёт найденной анонимки и начальнику КРО: «т. Гречухин. Дело представляет исключительный интерес. Восстановить всё дело. Приступить к операции. Здесь переплёт троцкистско-японской организации с группой «Метро-Виккерса», где проходит Лондон. Дело находится у вас в разработке» [236] .

Вероятно, Миронов копал и под С. Г. Южного, бывшего главу Барнаульского ГО НКВД и начальника Отдела кадров УНКВД ЗСК, который двумя месяцами ранее убыл в Ленинградское УНКВД. Но из-за упорства Б. И. Сойфера развернуть по-настоящему перспективное дело на барнаульских чекистов Миронову не удалось.

«У вас слабые нервы...»

Об авторитете Миронова среди его коллег говорит тот факт, что в Новосибирск из Москвы был доставлен легендарный строитель Турксиба Владимир Шатов, категорически отказывавшийся давать показания («за вызывающее поведение на следствии» в Москве ему дали пять суток карцера). Миронов хорошо знал В. С. Шатова по работе в Казахстане и, по свидетельству Агнессы Мироновой, специально встретился с заключённым. Наверняка Шатов заверял чекиста в своей невинности, но после этой встречи инженера-строителя особенно активно «взяли в работу».

Мироновские «орлы» — их было несколько, включая одного из самых эффективных следователей управления НКВД Я. А. Пасынкова — с мая 1937 г. усиленно допрашивали Шатова как японского шпиона, стараясь пристегнуть к «заговору» бывшего алтайского партизанского командира И. Я. Третьяка, ибо Шатов до революции, как и Третьяк, жил в США, но не добились ничего. Лишение сна и пищи не помогло. Так и не сломленный Шатов (за «антисоветское поведение на допросе», выразившееся в попытке ударить следователя стулом, его снова посадили в карцер, теперь уже на 20 суток) был расстрелян 11 октября 1937 г. за некую «националистическую деятельность» [237] .

Политическая обстановка Мироновым понималась правильно, несмотря на определённые маскировочные шаги, предпринимавшиеся его патроном. Известно, что Ежов в своём выступлении на февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП (б) формально отмежевался от практики массовых арестов как «изжившей» себя. При этом он ссылаясь на статистику арестов 1935 и 1936 гг., из которой следовало, что 80 % арестованных органами НКВД привлекались не по политическим делам, а за бытовые и должностные преступления, хулиганство, мелкие кражи и т. п.

Однако пафос выступлений на пленуме был вполне однозначным, а его инструкции, адресованные НКВД, требовали усиления репрессий. Слова Ежова были поняты правильно: нужно арестовывать прежде всего не уголовников, а «врагов народа», и побольше. Поэтому сразу после февральско-мартовского

плenums Мiронов стремительно бросился фабриковать огромные дела, заметные в союзном масштабе. Начальники УНКВД тех регионов, где также концентрировалась крестьянская ссылка (Северный край, Урал, Казахстан) не догадались сочинить дел, масштабом напоминавших пресловутое дело «РОВСа». Здесь Мiронов оказался передовиком. Обладавший верным чекистским чутьём, он не ограничился РОВСом, а решил представить Ежову материалы о разветвлённом заговоре в краевом руководстве, обеспечив в мае-июне 1937 г. «выход» и на партийно-советскую верхушку, и на военных, и на самих чекистов.

После того как сменивший Каруцкого В. М. Курский буквально за несколько недель разоблачил «троцкистский центр» и представил семерых сибиряков на большой московский процесс «Антисоветского террористического центра» (где главными фигурантами были Пятаков, Радек, Сокольников и Муралов), Мiронов должен был сочинить нечто не менее выдающееся. Награда обещала быть королевской, ибо начавшаяся чистка НКВД от кадров Ягоды освобождала множество вакансий.

Пример В. М. Курского показывал, что отличившийся местный начальник мог рассчитывать на место руководителя отдела в центральном аппарате НКВД с последующим выдвижением на пост замнаркома (правда, этот пример имел и обратную сторону — уже в июле 1937 г. свежее испечённый ежовский заместитель Курский, которому Сталин вдруг предложил занять пост наркома внутренних дел, счёл за благо покончить с собой).

Однако Мiронов не сразу стал чемпионом по масштабам репрессий. Его показания на следствии наглядно говорят о том ежовском давлении, которое на рубеже 1936–1937 гг. испытывали региональные начальники НКВД. Сразу после его приезда в Новосибирск в начале декабря 1936 г. Мiронову стал ежедневно звонить начальник Секретариата союзного НКВД Я. А. Дейч, заявляя, «что все края и области развёртывают дела, а Западная Сибирь после отъезда Курского «спит», что Николай Иванович [Ежов] недоволен этим». Дейч утверждал, что начальник Ленинградского УНКВД Л. М. Заковский, начальник УНКВД по Свердловской области Д. М. Дмитриев, начальник УНКВД по Азово-Черноморскому краю Г. С. Люшков и другие дают развёрнутые «блестящие дела». В Новосибирск поступали вороха копий протоколов допросов из других регионов и центрального аппарата, причём «преимущественно показания рассылались те, по которым якобы вскрывались антисоветские группировки и организации внутри парторганизаций».

Мiронов, прибыв на февральско-мартовский пленум ЦК 1937 г., встретился с Ежовым и заявил ему, что «Курский и, особенно, Успенский втянули почти весь оперативный аппарат в фабрикации фиктивных протоколов и создали такое положение, когда действительные дела по серьёзной контрреволюции невозможно расширять, т. к. неизвестно, по кому будешь бить, ибо с ними переплетены «липовые» дела на совершенно невинных людей. Ежов мне на это ответил: «У вас слабые нервы, надо иметь нервы покрепче. Успенский и

Курский достаточно себя зарекомендовали, и западносибирский аппарат — самый здоровый. Наоборот, мы у вас заберём много людей, переросших уже рамки начальников отделов, и возьмём их на выдвижение...»».

А Фриновский, выслушав тогда же Миронова, заявил: «Что ты занимаешься философией и ревизией дел — это не в почёте, и Николай Иванович справедливо недоволен. Ты уже не новый начальник в Западной Сибири, и пора уже показывать товар лицом. Сейчас темпы такие, когда надо показывать результаты работы не через месяцы и годы, а через дни». Он спросил меня, понимаю ли я, что теперь нужно. Я ответил, что понимаю» [238]. Вернувшись в Новосибирск, Миронов немедленно стал готовить дела о «правотроцкистском заговоре» в руководстве края и организации РОВСа.

Выступая на пленуме Запсибкрайкома ВКП (б), Миронов 17 марта 1937 г. каялся за то, что чекисты проспали активность врагов и объяснял это тем, что в 1928–1932 гг. «органы» действовали методами «массовых операций», отчего «растеряли значительную часть своей агентуры, приобрели же навыки поверхностной борьбы с контрреволюцией, у нас тогда был термин «стричь», и мы «стригли» контрреволюцию; глубокие же корни контрреволюции мы уже и в тот период не вскрыли... Несмотря на то, что мы специально, исторически созданы для борьбы с классовым врагом, эта успокоенность секретного аппарата немножко испортила нас... у многих вскружились головы; всё это привело к загниванию отдельных работников...[...] Мы сняли 11 террористических групп троцкистов, 3 террористические группы правых, ставивших перед собой задачу совершения терактов над Робертом Индриковичем [Эйхе] и над теми членами правительства и Политбюро ЦК ВКП (б), которые будут приезжать в Западную Сибирь.

[...] Мы посадили 28 чел. своих сотрудников по краю, связанных с троцкистами, непосредственно троцкистов или правых... Мы посадили Третьяка — бывшего командира Алтайской партизанской дивизии; посадили и небольшую группу его командиров... Третьяк по заданию японцев должен был создать автономную республику, в которую входили бы: Хакасия, Тана-Тувинская республика, Ойротия, Монголия — автономная республика японской ориентации... Правые у нас очень сильны, сильны, как подпольная организация... наиболее сильная группа правых была в Крайплане и Сталинске. Я вам, товарищи, могу откровенно сказать, что мы только начали по существу борьбу с правыми; мы в значительной мере не добились троцкистов. [...] У нас имеется 11 районов... там установлены группы правых, куда входит большая часть руководящего состава райисполкомов. [...] Почти нет таких организаций в крае, я их перечислю, где не были бы вскрыты троцкистские организации, правые и эсеры... в числе арестованных... имеется 68 руководителей учреждений и организаций...» [239]

Ощущая давление со стороны своего покровителя Фриновского, Миронов на исходе весны 1937 г., арестовав сначала всех отбывавших ссылку эсеров и меньшевиков, одновременно форсировал минимум полдесятка масштабных дел: ликвидацию «ровсовского заговора», призванную разгромить всех «бывших»;

ликвидацию «правотроцкистского заговора» в среде руководства Запсибкрайкома ВКП (б) и крайисполкома, «военно-фашистского заговора» в СибВО (в конце мая 1937 г. Миронов лично допрашивал бывшего сибирского военного Е. М. Косьмина-Увжия, специально этапированного в Новосибирск с Северного Кавказа [240]); а также массовые дела «контрреволюционеров-сектантов» и бывших красных партизан. Эти дела стремительно захватили руководителей предприятий, включая крупнейшие военные заводы, городское и сельское партийно-советское начальство, интеллигенцию, а также многие тысячи рядовых граждан.

Таким образом, Миронов мог считать себя человеком, с опережением шедшим в правильном направлении во всём, что касалось репрессий. С местным руководством в лице властного Эйхе (привыкшего к большой самостоятельности) Миронов также смог поладить — больше методом кнута, чем пряника. Пряником были ритуальные упоминания о подготовке терактов над Эйхе, которые выбивались из большинства «террористов», кнутом — давление, в том числе с помощью директив союзного НКВД, с целью получить санкции на арест номенклатурных чиновников, нередко относившихся к ближайшему окружению первого секретаря.

Эйхе порой сопротивлялся, звонил в Москву с жалобами на Миронова и его подручного С. П. Попова, ведь каждый арестованный сотрудник краевого аппарата был знаком кадровой недобросовестности Эйхе. Надо полагать, в ЦК предпочитали слушать чекистов, а не Эйхе. И в итоге секретарь крайкома налагал однообразные резолюции: дескать, с арестом такого-то члена бюро крайкома согласен. А люди Миронова сочиняли очередной заговор против Эйхе, обвиняя арестованных в том, что они при посещении первым секретарём театра планировали уронить ему на голову стальную балку весом два с половиной центнера, обёрнутую в целях маскировки «куском сценичного полотна»... [241]

Воспитание чекистов

В отношении своих кадров Миронов также оказался сторонником классической политики кнута и пряника. Многих оперативников, согласных на масштабные фальсификации, он выдвинул на руководящие должности, добился выделения им множества наград и званий. Мироновские замы и начальники отделов — Григорий Горбач, Серафим Попов, Дмитрий Гречухин — уже летом и осенью 37-го возглавили управления НКВД в Омске, Барнауле и Красноярске.

Горбач был особенно жестоким чекистом: прибыв в Омск, он сразу добился от Ежова и Сталина увеличения расстрельного лимита для тройки в 9 (!) раз. Получив после отъезда Миронова в свои руки УНКВД по Запсибкраю, которое в чекистском соревновании по числу арестованных и раскрытых «контрреволюционных организаций» к тому времени вышло на второе место по СССР, Горбач почти год усиленно наращивал террор — так, что его подчинённые не всегда успевали закапывать трупы расстрелянных [242] .

Оказавшись на излёте карьеры в Хабаровске, он успел расстрелять на Дальнем Востоке тысячи и тысячи людей. Впрочем, и Попов с Гречухиным старались не отставать от Горбача, заработав на массовом терроре сначала ордена и депутатские звания, а потом — и неизбежную пулю в затылок.

Из других мироновских выдвиненцев можно отметить М. И. Голубчика и А. С. Скрипко, делавших карьеру в Отделе контрразведки, И. Я. Бочарова, возглавившего «органы» в Ойротской (Горно-Алтайской) автономной области, В. Д. Монтримовича, назначенного начальником Кемеровского горотдела УНКВД, А. Р. Горского, ставшего помощником начальника СПО. Бывший разведчик и особист А. П. Невский стал начальником Транспортного отдела ГУГБ НКВД Томской железной дороги, а его заместителем был назначен старый чекист-транспортник Г. М. Вяткин.

Главной болью для Миронова стало назначение в Сибирь бывшего коменданта здания правительства в Кремле А. Б. Данцигера, потерявшего должность после доносов и спроваженного подальше от Москвы. В ноябре 1936 г. Данцигер был снят с кремлёвской должности в связи с обвинениями в неблагодёжности и скрытии происхождения. С января 1937 г. он работал врид начальника Отдела охраны УНКВД по Запсибкраю, а затем возглавлял оперативно-чекистский отдел УИТЛК. За несколько дней до своего отъезда Миронов приказал арестовать Данцигера — по полученным из Москвы материалам — за былую связь с осуждёнными «шпионами»: помощником инспектора адморгуправления полпредства ОГПУ по Московской области М. А. Капустиным (своим подчинённым в Москве, расстрелянным в ноябре 1933 г.) и учёным секретарём наркомтяжпрома СССР П. В. Шаровым [243] .

В мае 1937 г. по инициативе партруководства Ойротской АО Миронов заменил руководство местного НКВД. За недостаточное рвение в разоблачении «врагов народа» были сняты начальник облуправления Г. А. Линке, начальники отделов Я. А. Пасынков и А. А. Романов. Линке оказался убран с оперативной работы, а Пасынков с Романовым, сделав нужные выводы, стали вскоре активистами «Большого террора» [244] .

Весной 1937 г. Миронов выделил передовые отделы управления — СПО и КРО, а также подверг критике руководство Транспортного и Особого отделов. Транспортный отдел много занимался охраной грузов, и эти чисто милицейские функции мешали ему как следует взяться за врагов народа. На оперсовещаниях транспортников их коллеги прямо называли «не чекистами, а недоразумением». Ряд подразделений этого отдела действительно забросили оперативную работу: так, работники отделения ДТО станции Новосибирск занимались только обеспечением охраны грузов.

Начальник управления и его заместитель Г. Ф. Горбач 13 мая посетили Транспортный отдел и остались, по словам последнего, очень недовольны расслабленностью работников, которых возглавлял бывший разведчик и особист А. П. Невский: «в 12 часов ночи мы не встретили не только

сотрудников, но не нашли даже и ключей от комнат... в самом аппарате, как заявил т. Миронов, неразбериха». В ответ замначальника Транспортного отдела Г. М. Вяткин сокрушённо признал, что три десятка следователей за последний месяц от «массы арестованных» получили всего 22 протокола признательных показаний, поскольку явно «самоуспокоились после троцкистского дела», успешно проведённого ранее. Вскоре Невский, учтя критику Миронова, развернул аппарат чекистов-транспортников на самые широкие репрессии.

Гораздо суровее Миронов в той же середине мая отнёсся к особистам, возглавляемым помначальника управления М. М. Подольским. Того никак нельзя было отнести к мягким чекистам: в бытность начальником Томского горотдела НКВД он активно фабриковал крупные дела, а работая в Особом отделе СибВО, мог вбежать в кабинет к следователю с криком: «Дайте ему (арестованному — А. Т.) вёдерную клизму!» Но Подольский и его заместитель А. Н. Барковский оказались, по мнению Миронова, совершенно беспомощными при вскрытии военного заговора в СибВО. Ликвидировать контрреволюцию в аппарате и частях округа было обязанностью именно особистов, а они, не имея достаточно агентуры в офицерской среде, фабриковали в основном дела на рядовых военнослужащих, что категорически не устраивало Миронова.

Из-за слабости позиций Особого отдела основные следственные действия с арестованными командирами СибВО были поручены начальнику СПО С. П. Попову и его лучшим подчинённым вроде Г. Д. Погодаева, К. К. Пастаногова и М. И. Длужинского. Миронов, оценивший усердие Попова в фабрикации крупных дел, назначил его врид начальника Особого отдела и отправил особистов на стажировку к следователям СПО. (Несколько недель спустя — после назначения Попова начальником Барнаульского оперсектора НКВД — куратором особистов стал глава Контрразведывательного отдела Д. Д. Гречухин.)

Шаг с передачей аппарата особого отдела в руки Серафима Попова полностью себя оправдал: основные следователи СПО быстро добились признания со стороны военных в заговорщицкой деятельности. Сталин и Ежов по достоинству оценили усердие сибиряков: в начале июля 1937 г. большая группа работников УНКВД была награждена орденами. Миронов, а также уже покинувшие Сибирь Курский и Успенский как руководители получили ордена Ленина, остальные семь чекистов — Красной Звезды и Знак Почёта. С. Попов, узнав, что его представили к ордену Красной Звезды, устроил сцену Миронову, потребовав себе более высокую награду. И Миронов уступил, в результате чего Попов, как и сам начальник управления, получил орден Ленина [245]. 5 июля краевая «Советская Сибирь» вышла с портретами десяти чекистов-орденоносцев на первой полосе.

«Я ненавижу эту работу...»

Одновременно с ростом карьер отличившихся оперативников, начиная с конца 1936 г., шел процесс непрерывной очистки рядов от сомнительных элементов.

Чекистов обычно изгоняли за неподходящее происхождение, службу в армии Колчака, критические разговоры, бытовую связь с репрессированными лицами и пьянство. Так, оперативник Транспортного отдела С. А. Гудзенчук в начале 1937 г. был уволен из НКВД как «морально разложившийся» и «чужак», арестован и осуждён на полтора года заключения (с заменой на условное наказание) за дискредитацию власти и «расконспирацию методов работы органов НКВД». Тогда же были изгнаны из «органов» спившийся начальник оперпункта НКВД ст. Белово М. М. Галушкин и начальник Белоглазовского РО УНКВД Л. С. Михайликов — как «пробравшийся враг», скрывший родственника-попа.

Миронов решительно продолжил линию своего предшественника В. М. Курского на аресты тех работников, которых можно было бы обвинить в связях с злейшими врагами партии — троцкистами. Таких оказалось немало. Сразу после приезда Миронов раскритиковал своих подчинённых за медлительность в раскрытии «заговоров» и поставил задачу энергично выявлять «троцкистских шпионов и предателей» среди тех, чьи биографии давали повод для нужных «зацепок».

В январе 1937 г. за плохую работу по выявлению врагов и антисоветскую агитацию был арестован и затем осуждён начальник Венгеровского РО НКВД Д. И. Надеев. В феврале были арестованы за бывшие симпатии к троцкизму особист Г. Л. Кацен и работник СПО Б. И. Сойфер. Арестованный в Барнауле за служебные преступления (пьянство, расконспирация, связь с врагами народа) активный особист Н. М. Толочко был весной 1937 г. разоблачён как скрытый антисоветчик и осуждён на 7 лет заключения. Начальник Барзасского РО УНКВД С. М. Вакуров был арестован в мае или июне 1937 г. как «злейший троцкист» и год спустя умер в тюрьме. Оперативника Отдела пожарной охраны УНКВД С. Ф. Мочалов арестовали 17 июня 1937 г. и осудили за «шпионаж» на 20 лет лагерей [246].

Фактической чисткой аппарата управления стало грандиозное закрытое партсоборание, длившееся 16 апреля и с 18 по 21 апреля 1937 г. Прямо на этом собрании был арестован (а впоследствии расстрелян) оперативник аппарата особоуполномоченного А. И. Вишнер. После хора обвинений в том, что он в 1924 г. перебежал румыно-советскую границу с вражескими целями, Вишнер потерял самообладание: «Решать судьбу людей под впечатлением, экспромтом, не разобравшись как следует, нельзя. [...] Я ничего не путаю... Что вы искусственно пришиваете дело? Что вы из меня искусственно хотите сделать врага?»

В ответ прозвучала реплика с места: «За оружие не хватайся». Тут же оперативник Д. Т. Кононов, который только что был отведён при голосовании в члены парткома после заявления коллеги о том, что Кононов «в отдельной папочке» хранит свои «антипартийные» газетные статьи (в 1944 г. Кононова за пыточное следствие осудят на 10 лет), заявил: «Мы все видели, как Вишнер,

выйдя из себя, оскорбляя собрание, хватался за оружие. Предлагаю президиуму изъять оружие у Вишнер[а]» [247].

В том же апреле 1937 г. были исключены из компартии бывшие начальники отделений КРО в Прокопьевске и Ленинске-Кузнецком М. И. Ерофеев и Э. А. Фельдбах. Первый поплатился за давнюю критику совхозов и «связь с врагом народа», второй — «за двурушничество и происхождение из белогвардейской семьи». Прежние заслуги не помогли; так, по словам врид начальника Отдела кадров УНКВД Г. И. Орлова, несмотря на «хорошую ведомственную работу по борьбе с врагами народа, у Ерофеева были всё время колебания...» [248]

Среди многих чекистов, особенно в начальный период массовый операций, было заметно неверие в дела, фабрикуемые их коллегами-передовиками. Не все оперработники были психологически готовы к «массовым операциям», даже имея за спиной такие масштабные фальсифицированные дела, как пресловутые «заговоры» 1933 г. Еще до июльских повальных арестов, с которых началось репрессирование всех тех лиц, которые находились в агентурной разработке или хотя бы проходили по учётam, некоторые чекисты показали себя либо «примиренцами», либо недостаточно расторопными следователями, не торопящимися применять «новые» методы следствия, хорошо, впрочем, известные многим оперработникам. Те, кто умело скрывал физические меры воздействия и добивался с их помощью требуемых результатов, обычно получали поощрения. Колебания своего аппарата Миронов пресекал с корнем, арестовав многих неблагонадёжных.

Часть чекистов понимала, что служит беспощадной карательной системе, и пыталась покинуть «органы» задолго до начала «массовых операций». Вот характерные выдержки из дневника помощника оперуполномоченного Усть-Калманского РО НКВД Евдокима Васильева, обнаруженного во время его ареста 12 марта 1937 г.:

Декабрь 1935 г. «При допросе одного из арестованных по делу хищения хлеба он ответил: «У меня 6 душ семьи, на трудодни в нашем колхозе ничего не досталось, поэтому я вынужден был пойти на преступление украсть хлеб». С его аргументами я вполне согласен. На его месте я так же бы поступил. Преступление мы растим сами, потом с ним боремся».

«С тех пор как у меня по недоразумению задержали партбилет, с тех пор как пришлось мне переехать в Москву учиться, я дрянно очень дрянно чувствую себя. Всё перевернулось вверх дном. Всё пошло оборвалось в какой-то омут. Мне стало страшно, всё [стало] ненужное. То, что я считал святыней, оно стало для меня отвратительно, я ненавижу эту работу и тех, кто работает [в НКВД].

На днях подал рапорт, в котором настаиваю о моём увольнении, но кажется, это будет безрезультатно. Ах, как бы я желал, чтобы удовлетворили мою просьбу. Моё (особенно за последнее время) мировоззрение далекое от того, где я стою.

Поэтому, только поэтому я должен уйти». Е. А. Васильев был осуждён за антисоветскую агитацию и впоследствии погиб в заключении [249] .

Особенно беспокоили начальство случаи открытого отказа участвовать в фабрикации дел. Оперуполномоченный КРО Сталинского горотдела НКВД Е. А. Смоленников был в апреле 1937 г. арестован после того как прекратил дело на семерых финнов, обвинявшихся в шпионаже, и заявил своему непосредственному начальнику И. Б. Почкаю о несогласии с фабрикацией дел. На общем партсобрании один из коллег перечислил «преступления» Смоленникова в следующем порядке: «На негласную работу в аппарат НКВД он тащил врагов народа. Ряд дел, которые он вел, сводил на нет. [...] Говорил, что следователи не должны требовать признания от врагов». Хотя Смоленникова быстро осудили на 8 лет лагерей, для начальства его протест стал опасным сигналом.

Однако и после арестов некоторые оперработники проявляли порой «оппортунизм» в следствии. В июле-августе 1937 г. на партсобраниях в КРО и УГБ УНКВД обстоятельно разбиралось дело опытного оперативника А. В. Кузнецова, чье поведение стало настораживать начальство ещё с ноября 1936 г., когда он заявил М. И. Голубчику, что некоторые следователи «нечестно поступают» с арестованными и «записывают в протоколы больше, чем они сами показывают». Затем Кузнецов о том же самом заявил парторгу КРО С. И. Плещову.

Коллеги же упрекали Кузнецова в том, что он не доводит следственные дела до конца, не смог добиться «признаний арестованных по Кемеровскому химкомбинату, которых добился молодой работник Деев». Кузнецов, имевший несколько наград за былое участие в фабрикации серьёзных дел, оправдывался как мог: «От других арестованных я добился признания о созданных ими повстанческо-диверсионных группах на транспорте, в Бийске, в Ойротии, на Чуйском тракте. Все трое они мне дали показания больше чем на 40 человек. Все же сделал я по сравнению с другими меньше».

Для лета 1937 г. подобные темпы разоблачения «врагов», действительно, были уже неудовлетворительны. Миронов подытожил: «...Боролся ли Кузнецов вообще с врагами народа? Боролся, но в этой борьбе у него ноги дрожали. ...Враг прикинется божьей овечкой, у Кузнецова же ноги крепко не стоят, он и колеблется. [...] Настроения у отдельных работников о неверии в проводимые дела есть. Кузнецов оказался рупором у засоренной части работников, поддался этим настроениям...» В итоге партком вынес Кузнецову строгий выговор с предупреждением за «оппортунистические колебания, выразившиеся в проявлении элементов неверия в виновность врагов народа» и предложил 35-летнему Кузнецову, усиленно жаловавшемуся на болезненное состояние, уйти на пенсию [250] .

Логика репрессий требовала жертвоприношений и в собственно чекистской среде. Заговорщицкие организации одна за другой начали вскрываться среди

работников (чаще второстепенных) самого управления НКВД. Чекистов «пристёгивали» к разным шпионским организациям, обычно представляя их поставщиками наисекретнейших сведений из аппарата госбезопасности — об арестах, кадрах, агентуре. Особенно легко арестовывали чекистов, родившихся в Прибалтике, Польше, Германии. Обилие в их биографиях щекотливых моментов делали работников госбезопасности нерусского происхождения верными кандидатами на арест.

В мае-июне 1937 г. аппарат СПО вскрыл повстанческо-диверсионные организации в Отделе трудовых поселений и Торгово-производственном отделе УНКВД. Впереди были аресты многих оперативных работников основных отделов, а также периферийных чекистов, но основная их часть была репрессирована уже после Миронова. К середине 1937-го «допросы третьей степени» применялись очень широко. Красноречиво выглядит заявление 21 августа замначальника Отдела кадров УНКВД Г. И. Орлова: «Дальше мы должны отметить как позорный факт это то, что у следователей, работающих со шпионами, эти шпионы выбрасываются из окон. Это говорит за потерю бдительности чекистами-коммунистами». Здесь, скорее всего, имелся в виду случай с чекистом Б. И. Сойфером, который 3 августа 1937 г. выбросился из окна кабинета следователя (ему посчастливилось выжить после падения с третьего этажа, отделавшись переломом позвоночника) [251].

Одновременно Миронов довольно строго наказывал тех чекистов, которые попадались на пыточном следствии и других явных нарушениях законности, особенно если информация об этом выходила за пределы края. Так, письма крестьян, которых пытали в Карасукском райотделе НКВД в 1936–1937 гг., достигли контролирующих инстанций в Москве, и Особоуполномоченный НКВД СССР В. Д. Фельдман велел Миронову разобраться. В результате начальник райотдела А. П. Черемшанцев и его помощник И. И. Пилипенко за жестокие избиения и издевательства над арестованными по 58-й статье (ими набивали комнату и держали на ногах без еды и воды по несколько дней, иногда больше недели) были осуждены на пять и три года лагерей соответственно. В деле были сведения, что Черемшанцев периодически содержал на своей квартире и поил без устали работников спецколлективы краевого суда во главе с бывшим чекистом М. И. Жучеком, которые затем штамповали приговоры по делам, подготовленным РО НКВД, но этот эпизод чекисты расследовать не стали... [252]

Работник оперпункта НКВД ст. Болотное П. К. Клоков в марте 1937 г. с трудом избежал уголовной ответственности за принуждение свидетелей к нужным ему показаниям. В мае начальник Каргатского РО НКВД П. М. Тетерин жаловался в письме Миронову на 10-суточный арест: без согласования с УНКВД Тетерин взял под стражу зоотехника Ларичева, а тот покончил с собой. Обиженный наказанием чекист просил уволить его из «органов», на что получил резкий ответ Миронова, который, впрочем, пообещал: «Исправьте недочёты, и я отменю взыскание». В том же мае 1937 г. бюро крайкома заслушало письмо Миронова о нарушениях законности судебными работниками

Барабинского района и постановило направить в район прокурорскую проверку [253] .

Миронов активно противодействовал попыткам прокуратуры войск НКВД проявлять либерализм в отношении арестованных чекистов. При этом он заново отправлял в тюрьму как «антисоветчиков», так и нарушителей законности. Начальник особого отделения оперчекотдела УИТЛК С. М. Новицкий в 1936 г. сфабриковал дело о шпионаже на шестерых заключённых, у которых полгода, «всячески издеваясь», вымогал признания. В начале 1937 г. он был освобождён военной прокуратурой из-под стражи, но уже в феврале оказался вновь арестован в связи с протестом С. Н. Миронова перед Прокурором СССР и в итоге получил 10 лет заключения.

Оперативник Барнаульского ГО УНКВД А. М. Максимов, арестованный ещё в сентябре 1936 г. за хранение дома секретных документов (личные и рабочие дела агентуры, дела-формуляры на ссыльных оппозиционеров) и антисоветскую агитацию, был оправдан по политической статье. В январе 1937 г. его освободили как отбывшего наказание за время содержания под стражей. Но по настоянию УНКВД приговор был опротестован, а Максимов возвращён в тюрьму. Несмотря на то, что в июне 1937 г. прокуратура вновь прекратила дело, Максимов не был освобождён и в конце концов по ст. 58–10 УК получил 5 лет ИТЛ [254] .

Многие чекисты за полгода мироновского руководства были изгнаны и осуждены за различные служебные злоупотребления. Многолетний начальник АХО УНКВД В. С. Григорьев был обвинён в развале работы Томской трудкоммуны (7 млн руб. убытка в 1936 г.) и в конце 1936 г. арестован. В 1937-м он был освобождён, но вскоре вновь арестован, осуждён за служебные преступления на 3 года лагерей и работал начальником отделения Горшорлага НКВД [255] . Чистили при Миронове и аппарат тюрем, где атмосфера вседозволенности постоянно порождала изощёренные издевательства над заключёнными.

При Миронове в марте 1937 г. был на всякий случай уволен из «органов» очень известный в своё время человек — член коллегии ВЧК К. А. Стоянович-Мячин (известный как В. Яковлев), перевозивший царскую семью в апреле 1918 г. из Тобольска в Екатеринбург. В 1930-х гг. он трудился на заурядных должностях в системе Сиблага, но в итоге был вынужден проститься с НКВД и уехать из Сибири — навстречу неизбежному аресту.

Венцом же «работы» Миронова с чекистами, подлежавшими устранению, стала одна спецоперация, которая благодаря Мироше получила неожиданное продолжение. В июне 1937 г. Миронов поучаствовал в крайне деликатном деле по аресту своего однофамильца Л. Г. Миронова, возглавлявшего в союзном НКВД ведущий отдел — Контрразведывательный. Опального чекиста, близкого к Ягоде, Сталин послал в начале апреля во главе спецгруппы в Сибирь и на Дальний Восток для «выявления и разгрома шпионско-вредительских

троцкистских и иных групп на железных дорогах... и в армии». Командировка была долгой и продлилась до начала июня. Когда начальник контрразведки, возвращаясь с Дальнего Востока, вместе со свитой прибыл с каким-то поручением в Новосибирск, Сергей Наумович участвовал в организации Льву Григорьевичу коварной ловушки.

Как вспоминала Агнесса Ивановна, супруг устроил для гостей торжественный приём с танцами, не пожалев свежих овощей и фруктов из оранжерей Новосибирска. Такое радушие со стороны начальника управления должно было развеять нехорошие мысли Льва Миронова, чьи коллеги по центральному аппарату в большинстве своём уже парились на Лубянке как участники «ягодинского заговора». Но вскоре всю московскую делегацию арестовали, запихнули в столыпинский вагон и отправили в столицу.

Правда, здесь Миронов только ассистировал комиссару госбезопасности 1-го ранга В. А. Балицкому. Когда Л. Г. Миронов возвращался в Москву с группой подчинённых, он не знал, что 6 июня начальник УНКВД по Дальне-Восточному краю В. А. Балицкий получил шифровку из Москвы с приказом арестовать Миронова. Возможно, загодя предупреждённый Балицкий ехал вместе с ним, поскольку уже 7 июня отчитался об исполнении приказа. Вероятно, начальника союзной контрразведки «брали» именно в столице Запсибкрая. По крайней мере, Балицкий некоторое время пробыл в Новосибирске, где встретился — в присутствии С. Н. Миронова — с секретарём крайкома Эйхе и неосторожно затронул в разговоре острые политические темы. Надо полагать, Эйхе был в курсе относительно ареста Л. Г. Миронова и его команды.

Когда Сергей Миронов услышал жалобы члена ЦК Балицкого кандидату в члены Политбюро Эйхе на то, что арестованный Ягода говорит всё, что подсказывают следователи и «топит» без разбора правых и виноватых, он сильно насторожился. А Балицкий прямо заявил, что обстановка в органах НКВД сложилась такая, что арестовать могут каждого в любой момент и получить любые показания, так как в Лефортовской тюрьме узников избивают. Упомянул он с тревогой и о своём знакомстве с арестованным командармом И. Э. Якиром. В словах Балицкого прозвучало косвенное осуждение и нового наркома Ежова, дававшего санкции на многочисленные аресты чекистов.

Мироша совершенно не впечатлился словами Балицкого о пытках. Ведь в застенках УНКВД ЗСК под прямым давлением С. Н. Миронова и его подчинённых уже дали убийственные признания многие видные личности, включая руководителей СибВО. Высокие начальники в присутствии Миронова рискнули обсуждать крамолу высочайшего уровня, поэтому своевременное донесение об этом по «своей линии» могло вознести Миронова. И он, чуя поживу, тут же взялся за карандаш. Получив из Новосибирска материал на Балицкого, Ежов 19 июня немедленно приказал ему сдать дела и выехать в Москву, где в начале июля разоткровенничавшийся чекист был арестован как «заговорщик». Возможно, что Роберт Эйхе (если он не просигнализировал о нелояльных словах Балицкого) оказался скомпрометированным перед

Сталиным. Подозрительный вождь мог решить, что Эйхе согласился с Балицким...

Сергей Миронов, помогая Ежову и Сталину устранять ягодицев, тоже как следует опасался тех, кто служил с ним рядом. Ведь и они могли получить соответствующий приказ из столицы. Однажды, играя на работе с Агнесой в бильярд, он увидел трёх чекистов, вошедших во двор управления, и застыл, побледнев, с кием в руках. Оказалось, это была просто смена караула... Миронов стал иногда делиться с женой своими сомнениями по поводу происходящего, чего прежде не позволял никогда [256]. Но его деятельность по-прежнему была направлена на поиск всё новых и новых «врагов народа».

«Когда взяли за горло, он застрелился»

Именно при Миронове несколько чекистов сочли за благо покончить с собой. Бытовая причина самоубийства просматривается в нескольких случаях. Например, с рядовым алтайским оперативником, носившим подходящую для чекиста фамилию Херов, который регулярно пил и мог застрелиться спьяну. Доведённый до отчаяния придирами начальника, застрелился секретарь Шипуновского райотдела НКВД Комаров — начальник райотдела М. С. Панкратьев получил в связи с этим три года заключения. Остальные три случая были связаны исключительно с политическими причинами.

...Около восьми часов вечера 31 июля 1937 г. в своём кабинете в здании управления НКВД застрелился один из видных новосибирских чекистов — заместитель начальника СПО Г. Д. Погодаев, активный проводник и организатор террора, которого Миронов как раз намечал на должность начальника Барнаульского оперсектора НКВД. Как рассказывала делопроизводитель СПО Мария Циунчик-Путинцева, последнюю неделю Погодаев вёл себя нервно, ругал подчинённых, особенно оперативника из ведущего 1-го отделения, разрабатывавшего троцкистов и правых, М. Г. Кострюкова (дескать, «сопьяк», который смеет возражать начальнику), подолгу сидел в своём кабинете с бывшим коллегой, а на тот момент замначальника Отдела охраны крайкома и крайисполкома А. Р. Горским. 31 июля Погодаев нервничал, ходил по кабинетам подчинённых, нигде не задерживаясь, и «очень сильно ругался на одного арестованного». Инспектор УНКВД Дмитрий Ивашин показал, что с 25 июля Погодаев нервничал и часто рассматривал своё личное оружие...

Никто в управлении не слышал выстрела из запертого кабинета. Встревожились только глубокой ночью — у чекистов самая горячая пора допросов, а куратора не видно. Сначала думали, что он уехал на дачу. Кабинет Погодаева вскрыли только в три часа ночи — по указанию заместителя начальника управления Ивана Мальцева, который накануне вечером дважды безуспешно вызывал Погодаева к себе. Восемь часов спустя состоялось экстренное партсоборание управления, на котором самоубийство Погодаева — с подачи Миронова — единогласно заклеямили как вражескую вылазку труса, испугавшегося

неминуемого разоблачения. «Когда Погодаева взяли за горло, он застрелился», — заявил вскоре видный чекист Сергей Политов Аркадию Горскому.

О личности Георгия Погодаева известно не так уж и много. Он давно работал в ЧК-НКВД Сибири, но в 1930 г. совершил изнасилование и «за исключительно антиморальное поведение и пьянство» был арестован на 30 суток с возбуждением перед полпредством ОГПУ ходатайства о его увольнении без выходного пособия. В органах его всё же оставили, в партии восстановили... В результате чекист остепенился (редкий случай!), пил сравнительно мало и избегал каких-либо политических разговоров на вечеринках, хотя вообще отличался болтливостью и старался первым рассказать о каких-либо кадровых новостях, касавшихся перемещений, награждений и взысканий относительно его коллег. Он страдал сильной светобоязнью и всегда носил тёмно-синие очки. По словам Циунчик-Путинцевой, она и секретарь отдела Иван Павлов нередко читали Погодаеву документы, «так как он совершенно не мог иногда читать» [257]. Зато допрашивать этот чекист умел как мало кто.

Заслуги Погодаева стоит перечислить с помощью одной из официальных бумаг. В представлении к награждению высшим ведомственным отличием — знаком «Почётного работника ВЧК-ОГПУ» — значилось, что к июлю 37-го Георгий Дмитриевич добился превосходнейших результатов. Перечень достижений начинался с 1933 г., когда Погодаев активно участвовал в разоблачении «белогвардейского заговора». Помимо того, в 1933–1934 гг. он вскрыл несколько молодёжных террористических групп, включая группу Борисова, собиравшуюся устроить «покушение» на Сталина, а в 1935 г. «успешно провёл следствие по делу террористической группы, возглавляемой бывшим подпоручиком Абрамовым, ставившей задачей подготовку и совершение теракта над секретарём Запсибкрайкома т. Эйхе».

С 1936 и до лета 1937-го Погодаев развернулся в полную силу: под его личным руководством была вскрыта и ликвидирована фашистская террористическая организация в Томске (29 человек арестовано, из них 17 — расстреляны); эсеро-монархический заговор (400 арестованных); террористическая организация правых; созданная гестапо сектантская организация; шпионско-повстанческая организация, созданная японской разведкой; террористическо-шпионская организация на транспорте, созданная германской разведкой; шпионско-диверсионная организация среди медработников края. Погодаев также стал одним из основных следователей по делу военного заговора в СибВО [258].

Стоит отметить, что он допрашивал арестованного как троцкиста оперативника своего отдела Бориса Сойфера и летом 37-го требовал, чтобы тот подписал 24-страничный протокол, где в качестве завербованных бывшим начальником Барнаульского горотдела НКВД С. Г. Южным значились, помимо Сойфера, известные барнаульские чекисты С. В. Толмачёв, Ф. В. Воистинов, В. М. Старосельников, Н. К. Петренко и др. Однако Сойфер предпочёл выброситься из окна... [259]

Ситуация накануне самоубийства замначальника СПО развивалась следующим образом. В конце июля коллега Погодаева А. Р. Горский выехал в командировку в г. Камень организовывать там оперативный сектор и перед отъездом зашёл к Погодаеву. Тот сообщил, что их общая знакомая Мария Ивановна Гоба, работавшая секретарём плановой комиссии крайисполкома, проходит как участница правотроцкистской организации и намечается к аресту. Погодаев заявил, что сам будет допрашивать Гобу...

Арестованный доцент нархоза В. В. Журавлёв показал, что профессор социально-экономических наук Г. Е. Дарченков, читавший чекистам лекции по истории партии, говорил ему о Погодаеве — дескать, тот в НКВД ведаёт вузами и всеми учебными заведениями. В июле 1936 г. Георгий Дарченков утонул в Катунь во время купания. Его вдова Анна Титова, работавшая плановиком Отдела трудовых поселений УНКВД, а потом плановиком-экономистом краевого управления совхозов, стала объектом интенсивных ухаживаний со стороны Погодаева, о чём она рассказывала Журавлёву [260]. Прочитав фамилию Анны Титовой в протоколе допроса доцента, Погодаев её немедленно вычеркнул. И это погубило матёрого чекиста. Его штатские знакомые тоже погибли очень скоро: В. Журавлёва, М. Гобу и А. Титову 27 октября 1937 г. расстреляли в Новосибирске по приговору выездной сессии Военной коллегии Верховного суда СССР.

От Гобы добились показаний о том, что один из руководителей крайплана С. Я. Эдельман намеревался привлечь в организацию правых также и чекистов Погодаева с Горским «с целью их использования в интересах иностранной разведки». Эдельман, арестованный 15 февраля, полгода спустя, 26 августа 1937 г., показал, что заговорщики благодаря болтливости Погодаева, Горского и Гобы получали ценную информацию, но в свою правотроцкистскую организацию вовлечь чекистов им не удалось. Из заместителя председателя крайплана Эдельмана чекисты сделали лидера основной группы правых, создавшего ряд террористических организаций и установившего связь с троцкистским центром М. С. Богуславского и М. И. Сумецкого. Во время приезда в 1935 г. Николая Бухарина в Новосибирск Эдельман с ним встретился и якобы получил установки относительно усиления контрреволюционной работы и ускорения совершения теракта над секретарём крайкома Эйхе [261].

Так Погодаев, который мог рассчитывать на отличную карьеру, превратился в потенциального заговорщика. Аресты его близких знакомых напроць перечёркивали заслуги старого следователя. Заводя обычные интрижки с дамами из общества (оперативник И. А. Розум не без удовольствия вспоминал, что женщины, с которыми его познакомил чекист, «были все ничего»), он и представить себе не мог, насколько глубоко зайдёт чистка. Весёлые вечеринки оказались роковыми. Когда ему из-за стараний молодого карьериста-«сопляка» Кострюкова не удалось прикрыть дело, последовал выстрел. До того начальник управления, прочитав протоколы, доложенные Кострюковым, вызвал Погодаева и жёстко с ним побеседовал. Обречённый Погодаев, понимая, что беспощадный

Миронов не помилует даже представленного им же к награде, спас себя от ареста единственным доступным способом.

Выстрел Погодаева стал детонатором серии самоубийств работников управления НКВД. В первой половине августа застрелились активный оперативник СПО К. Г. Селедчиков и преподаватель Межкраевой школы ГУГБ НКВД С. С. Мадорский-Удалов. Молодой контрразведчик Смирнов, исключённый из комсомола 2 ноября 1937 г. (уже при Горбаче), застрелился в своём кабинете через двадцать минут после комсомольского собрания [262]. Новые самоубийства в Новосибирске будут отмечены в 1939 г., когда начнутся аресты перестаравшихся передовиков террора.

Великий террор

Июльский приказ Ежова № 00447 о «массовых операциях» в отношении кулаков и уголовников не просто застал Сергея Наумовича во всеоружии, а сам во многом стал следствием «творческих поисков» энергичного чекиста. Весной 1937 г. по инициативе Миронова началась фабрикация гигантского «эсеро-монархического» (именовался также и «кадетско-монархическим») вооружённого заговора, якобы организованного в Западной Сибири эмигрантской организацией РОВС (Российский общевойсковой союз). РОВС был представлен в качестве структуры, объединявшей предельно широкий спектр противников режима.

Занимаясь делом «ровсовской организации», Миронов подробно изучал материалы на ссыльных и особо отметил перспективного кандидата на роль одного из повстанческих лидеров — выдающегося поэта Николая Клюева, отбывавшего ссылку в Томске. На оперсовещании руководящего состава 25 марта 1937 г. начальник УНКВД указал: «Клюева надо тащить именно по линии монархически-фашистского типа, а не на правых троцкистов. Выйти через эту контрреволюционную организацию на организацию союзного типа» [263]. Однако с Николаем Алексеевичем у чекистов не склеилось: тяжелобольного Клюева арестовали только 5 июня, а уже в октябре 1937 г. поэт, категорически отказавшийся давать «признания», был расстрелян. В руководящий центр РОВСа были записаны другие лица из «бывших», согласившиеся дать нужные показания.

Наличие в Сибири масштабной политической ссылки позволяло легко найти любых фигурантов для всевозможных чекистских провокаций. Миронов, опираясь на особенности региона и прежние наработки, «соединил» в одно целое «эсеровский центр», составленный чекистами из арестованных в начале 1937 г. ссыльных эсеровских лидеров (И. Х. Петелина, В. С. Осипова-Занозина, И. Л. Гороха), и монархистов из числа ссыльных дворян и царских офицеров (М. М. Долгорукого, В. С. Михайлова, Н. А. Эскина). Вооружённой опорой организации должны были стать ссыльные крестьяне комендатур Нарыма и Кузбасса (208 тыс. чел.) и ссыльные из «бывших» (5.350 чел.).

Когда 17 июня 1937 г. Миронов информировал крайком о раскрытии РОВСовского заговора, одновременно аналогичную информацию получил Ежов, наверняка подробно обсудивший её со Сталиным. Материалы, присланные Ежову из Новосибирска относительно этого грандиозного заговора, были замечены вождём и послужили поводом для организации внесудебных органов на местах. Есть сведения, что с предложением к Сталину о массовой внесудебной расправе над врагами режима обратился первый секретарь Западно-Сибирского крайкома Эйхе — и в Москве начали создание троек именно с Западно-Сибирского края.

Пока неизвестно, была ли это «чистая» инициатива влиятельного сибирского наместника, или же кандидату в члены Политбюро ЦК Эйхе был дан соответствующий совет сверху. Скорее всего второе, поскольку сразу за организацией «сибирской» тройки последовало решение о распространении этого опыта на всю страну. Вряд ли инициативный Эйхе предполагал, какие выводы последуют из его предложения, и как затем сложится его собственная судьба.

Так или иначе, 28 июня 1937 г. Политбюро ЦК ВКП (б) приняло специальное решение «О вскрытой в Зап. Сибири к-р. повстанческой организации среди высланных кулаков». Политбюро постановило создать для ускоренного рассмотрения следственных дел на «повстанцев» тройку в составе начальника УНКВД, крайпрокурора и первого секретаря крайкома ВКП(б). К активистам «повстанческой организации» Политбюро постановило применить высшую меру наказания. И уже 29 июня из НКВД Миронову поступила шифровка: разрешается создать тройку под председательством начальника УНКВД с участием прокурора и секретаря крайкома ВКП (б), активистов-кулаков предлагается расстреливать.

Сибирский материал послужил лишь детонатором для вспышки невиданного доселе террора, который явно подготавливался в недрах сталинской канцелярии. Не дожидаясь результатов разгрома «ровсовской» организации в Сибири, Сталин велел предпринять аналогичные чистки повсеместно и провести так называемую «кулацкую операцию». Уже четыре дня спустя, 2 июля, Политбюро постановило распространить деятельность троек на все регионы страны и начать массовую операцию против кулаков, уголовников и всех антисоветских элементов. Это объяснялось — на основании материалов НКВД — тем, что возвращавшиеся из ссылки в свои области бывшие кулаки и уголовники «являются главными зачинщиками всякого рода антисоветских и диверсионных преступлений».

К 8 июля Сталин велел начальникам УНКВД прислать сведения о подлежащих репрессиям по 1-й и 2-й категориям. Часть региональных лидеров не справились с поручением, затянув сроки. А вот Миронов успел — 8 июля он отправил шифровку в Москву, где указал и подробно описал свои усилия по подготовке операции. По 110 городам и районам, а также 20 станциям края чекистами было учтено 25.960 чел., обречённых на репрессии. Расстрелу подлежало 6.642

«кулака» и 4.282 уголовника, заключению — 8.201 «кулак» и 6.835 уголовников. Миронов тут же указывал, что в число этих «кулаков» частично вошла «низовка», подлежащая аресту по делу РОВСа, но зато не вошли около 6.500 хозяйств беглых «кулаков» со всей страны, самовольно осевших в Нарыме за 1930–1935 гг.

Начальник УНКВД заверял Ежова, что он уже подготовил 10 новых тюремных помещений, рассчитанных на 9.000 чел., что охранять и конвоировать заключённых будут, помимо милиции, небольшие группы комсомольцев, а в местах концентрации арестованных размещены гарнизоны войск НКВД. Для быстрейшего проведения следствия Миронов попросил разрешения в течение месяца использовать курсантов новосибирской межкраевой школы, «зачтя это в курс практических занятий». Демонстрируя правильное понимание обстановки, Миронов свой отчёт подытожил так: «Проведение этой операции бесспорно даст большой положительный хозяйственно-политический сдвиг в жизни края, особенно наряду со льготами, предоставленными ЦК ВКП (б) и правительством колхозникам края» [264].

А уже 9 июля 1937 г. состоялось первое заседание тройки УНКВД, на котором были утверждены первые приговоры в отношении 157 чел. — членов РОВСа. Среди них были бывшие подполковник И. П. Максимов, штабс-капитан К. Л. Логинов, штабс-капитан князь А. А. Гагарин и др. В течение месяца тройка выносила массовые приговоры, в среднем по 50 чел. за одно заседание, и к 1 августа 1937 г. общее число приговоренных составило 980 чел. В августе на 12 заседаниях тройка осудила 4734 чел., в т. ч. 3230 — к ВМН [265].

Вскоре Москва утвердила планы на аресты и расстрелы по всем регионам СССР. В отличие от других региональных начальников, Миронов должен был одновременно проводить сразу две многотысячные операции: «ровсовскую» (концентрировалась на истреблении крестьянской ссылки и «бывших», включая городскую интеллигенцию) и «кулацкую» (наносившую основной удар по селу, а также затрагивавшую уголовный элемент). Для невиданной по масштабам карательной акции партийно-советским руководством Западной Сибири были немедленно мобилизованы дополнительные ресурсы: из новосибирской базы Сибстройпути изъято для НКВД 17 автомобилей, у крайисполкома затребовано 10 тонн бумаги для оформления протоколов допросов (при том, что краевые фонды на квартал составляли всего две тонны) [266].

Появились и новые тюрьмы. Первоначально их было в Новосибирске три: внутренняя тюрьма управления НКВД, затем самая крупная из всех — следственно-пересыльная тюрьма № 1 (на ул. 1905 года); ещё одна тюрьма располагалась за городом, рядом с авиазаводом имени В. П. Чкалова. Летом 1937 г. Миронов организовал печальной памяти «птичник» — большой барак в конце ул. Кирова за р. Каменкой. Этот бывший инкубатор стал временной тюрьмой с невероятно мучительными условиями содержания. Одного радиста, сошедшего с ума на допросах, там специально держали в камере, куда было

вбито 250 человек, для устрашения, пока буйствовавший несчастный не бросился в принесённую бочку с горячей баландой, обварился и умер.

В отдельном корпусе следственно-пересыльной тюрьмы № 1 чекистам выделили второй этаж, где в крупных камерах оборудовали кабинеты на двух-трёх следователей. Всего в этом так называемом «особом корпусе» с середины 1937 г. вели следствие свыше ста работников УНКВД. Причём укрепление тюремного штата началось ещё в самом начале 37-го, когда почти два десятка фельдъегерей пополнили штат надзирателей [267] .

Важнейшей целью кампании, по словам начальника УНКВД, должно было стать «вскрытие организованного подполья». Как свидетельствуют отчёты УНКВД, контингент РОВСа выступал самостоятельной величиной, не входившей в установленные Политбюро ЦК ВКП(б) истребительные лимиты. Поэтому вместо 17-тысячного лимита (5 тыс. — первая категория, 12 тыс. — вторая) к началу октября в крае было арестовано более 25 тыс. чел., то есть именно то количество, которое было указано в цитируемой выше телеграмме Миронова от 9 июля [268] .

В самом начале так называемых массовых операций произошёл беспрецедентный, вероятно, эпизод, связанный с попыткой оспорить партийную стратегию на развязывание массового террора. Это случай с первым секретарём Назаровского райкома ВКП(б) Красноярского края Александром Башаровым, который, получив от секретаря крайкома П. Д. Акулинушкина директиву «об оказании помощи органам НКВД в изъятии контрреволюционных, уголовных и кулацких элементов, взял эту директиву под сомнение и выехал за разъяснением в Западно-Сибирский крайком ВКП(б)».

Речь здесь идёт, что вполне очевидно, о шифротелеграмме ЦК всем секретарям обкомов, крайкомов и ЦК компартий национальных республик, подготовленной на основе постановления Политбюро от 2 июля 1937 г. «Об антисоветских элементах». Местные руководящие работники правильно поняли смысл данной телеграммы, так как почти все они присутствовали на только что прошедшем июньском пленуме ЦК и поддержали его кровожадные решения. Однако среди партноменклатуры более низкого уровня были и ужаснувшиеся.

Здание крайкома партии подчинённые Миронова охраняли крепко. А. Г. Башаров, чтобы облегчить себе получение пропуска в здание, «отрекомендовал себя представителем ЦК ВКП (б) и, так как не сумел подтвердить это документами, был арестован и направлен в сопровождении работника НКВД в Красноярск по месту работы. В пути следования Башаров выскочил в окно поезда, получил сильные ушибы и был опять задержан. По приезде в Красноярск Башаров дважды пытался покончить жизнь самоубийством. С 10.VII.-1937 г. по 25.VI.-1939 г. Башаров находился в психиатрической больнице (в г. г. Красноярске, Москве, Харькове) и с 25.VII.-1939 г. находится на пенсии».

Башаров верил, что только Роберт Эйхе, кандидат в члены Политбюро, бывший руководитель общесибирской парторганизации и самый высокопоставленный коммунист Сибири, сможет объяснить растерянному 37-летнему аппаратчику с пятнадцатилетним партстажем, что же сейчас происходит в стране и в партии. Но даже секретарю райкома без предварительной договорённости оказалось невозможно попасть в главный штаб ВКП (б) Западной Сибири. И лишь психическое расстройство спасло Башарову жизнь [269].

Появлялись, кстати, вопросы и у более высокопоставленных коммунистов: так, глава Бурят-Монгольского обкома М. Ербанов обратился лично к Сталину с запросом о порядке работы троек и их компетенции. Товарищ Сталин 21 июля 1937 г. разъяснил первому секретарю, что «по установленной практике тройки выносят приговоры, являющиеся окончательными» [270] — это при том, что внесудебные органы в основном заработали с августа и слова насчёт «установленной практики» говорили, что у вождя изначально не было сомнений в том, каким образом должны были работать пресловутые тройки. Он считал их новым изданием тех троек, которые в первой половине 1930-х гг. активно действовали в регионах и периодически получали право в массовом порядке заочно осуждать и расстреливать арестованных из социально враждебной среды. Но по правилам 37-го массовые расстрелы должны были обрушиться на куда более широкий спектр сталинских врагов.

После июньского пленума ЦК Ежовым были проведены особые инструктивные совещания руководящих работников госбезопасности. На июльском 1937 г. совещании в НКВД СССР, куда были созваны все начальники местных «органов», чтобы отчитаться о вскрытых организациях и получить лимиты на расстрелы, Миронов, как он писал в своём заявлении Берии из тюремной камеры, заявил Ежову:

«Столь массовые широкие операции по районному и городскому [антисоветскому] активу... рискованны, так как наряду с действительными членами контрреволюционной организации, они очень неубедительно показывают на причастность ряда лиц. Ежов мне на это ответил: «А почему вы [всё равно] не арестовываете их? Мы за вас работать не будем, посадите их, а потом разберётесь — на кого не будет показаний, [тех] потом отсеете. Действуйте смелее, я уже вам неоднократно говорил». При этом он мне заявил, что в отдельных случаях, если нужно «с вашего разрешения могут начальники отделов применять и физические методы воздействия».

Следует отметить, что фабрикация масштабного заговора РОВСа, предпринятая до сталинского решения о «массовых операциях», говорит о том, что Миронов на самом деле менее всего думал «отсеивать» непричастных, добиваясь именно массового террора и полного истребления «бывших». Энергично арестовывались весной 1937 г. и военные работники. Партийно-советский актив также не был «священной коровой» и подлежал избирательной чистке. Возможно, первоначально Миронов думал ограничиться красивым делом с арестами части краевой номенклатуры, не покушаясь на глобальную чистку

руководящих кадров. Но логика террора диктовала свои условия. Как и другие чекисты, Миронов с опозданием понял план вождя устроить генеральный отстрел основной части прежних руководящих кадров, включая и собственно чекистский аппарат.

Директивы Ежова на совещании в НКВД 16 июля чётко нацеливали именно на массовый террор. Начальник УНКВД по Ярославской области А. М. Ершов на следствии вспоминал такую фразу выступавшего с установочным докладом Ежова: «Если во время этой операции и будет расстреляна лишняя тысяча людей — беды в этом совсем нет. Поэтому... особо стесняться в арестах не следует». Одновременно Ежов высказал угрозы в адрес тех начальников управлений, которые «проявляют оперативную инертность» [271].

Подобные установки нарком постоянно давал и позднее. Согласно показаниям наркома внутренних дел Украины А. И. Успенского (бывшего заместителем Миронова в Сибири), в начале 1938 г. «на оперативном совещании начальников УНКВД УССР, созванным Ежовым в Киеве, Ежов дал директиву «громить направо и налево». На вопрос начальника УНКВД по Черниговской области [М. Б.] Корнева как быть с калеками и стариками, которые со всех областей свезены в Черниговскую тюрьму и лимитируют оперативную работу, т. к. некуда сажать новых арестованных, Ежов буквально ответил следующее: «Эх вы, чекист, вывезите их всех в лес и расстреляйте. Кому они нужны». Корнев усомнился в правильности этой директивы и с кем-то поделился своими мнениями после совещания. Об этом доложили Ежову и он приказал немедленно снять Корнева с работы» [272].

От чекистского начальства Сталин и Ежов ждали инициативы в истреблении потенциальной «пятой колонны», к которой относились все нелояльные. Некоторую растерянность ряда региональных начальников, не ожидавших, что придётся — без всякого суда — быстро расстрелять не сотни, а многие тысячи, диктатор воспринял как политическую непригодность. Сталин не стал проверять, как быстро уступят «пошатнувшиеся» майоры и комиссары госбезопасности давлению центральной власти.

Перевоспитывать чекистов он не пожелал, будучи уверенным, что истребить удастся всех и на любых этажах советской системы — и тех, кто был признан совершенно непригодным для коммунистического строительства, и тех, кто не горел желанием стать палачом.

Сразу были сняты и быстро уничтожены многие начальники региональных управлений НКВД. Остальным было очень наглядно объявлено, за что арестованы И. М. Блат, А. Б. Розанов, П. Г. Рудь, Э. П. Салынь и прочие — и все в страхе подчинились, включившись в соцсоревнование по арестам и казням. Вдова Миронова запомнила, как сильно в июле 1937 г. впечатлило её мужа сообщение об аресте орденосного наркомвнудела Татарии Рудя...

Директивы Ежова были быстро перенесены на местную почву. 25 июля 1937 г. весь оперсостав УНКВД, а также начальники горрайотделов были собраны в ведомственном клубе им. Дзержинского в Новосибирске, где Миронов и Эйхе выступили перед ними с рассказом о секретном решении ЦК ВКП (б) «разгромить основные гнезда контрреволюции». Миронов сообщил подчинённым, что ЦК партии утвердил лимит на расстрел по краю 10.800 кулаков, шпионов и бандитов, а также осуждение на большие лагерные сроки 12.000 человек. Следует отметить, что в результате каких-то аппаратных извивов на высшем уровне этот расстрельный лимит для Запсибкрая, установленный в начале июля, вскоре был сокращён более чем вдвое — до пяти тысяч (но реально его всё равно за несколько месяцев превысили в разы, ибо аналогичная по кровожадности операция по РОВСу была, как уже говорилось, «безлимитной»; к тому же, чтобы уничтожить потребное число «кулаков» и «ровсовцев», уголовников расстреливали в намного меньших количествах, чем это планировалось ранее).

Миронов заявил, что по первой категории им, возможно, вскоре придётся арестовать до 20 тыс. человек, чтобы иметь «резерв» для распределения по категориям: дескать, вдруг расстреляем всех, положенных по лимиту, а потом выявим новых врагов и не сможем с ними расправиться. Таким образом, он дал достаточно точную цифру-ориентир для последующих месяцев.

Как вспоминал начальник Волчихинского райотдела НКВД В. А. Евтеев, для скорейшего выполнения этого особого правительственного задания чекистам предписывалось обосновывать вину арестованного показаниями двух-трёх свидетелей, а в случае затруднений со свидетельскими показаниями ограничиваться одной-двумя агентурными сводками. Шумным одобрением чекисты встречали и установочную речь Миронова, и последовавшие в будущем доклады его преемников Горбача и Мальцева об успехах управления.

Арестованные позднее сотрудники НКВД не допускали и мысли о незаконности кампании по истреблению «пятой колонны». Напротив, сталинское решение об уничтожении всех «бывших» вызвало у рядовых чекистов большой энтузиазм. Опытные оперативники получили под своё начальство молодых чекистов, а также курсантов школы НКВД и бросились арестовывать «кулаков» и «белогвардейцев». Новосибирск был разбит на участки, по которым сновали опергруппы. Аналогично действовали чекисты и в других городах края.

В конце июля 1937 г. опербригада работника СПО П. И. Молостова, в значительной степени составленная из курсантов межкраевой школы НКВД, ходила по предприятиям и стройкам, выясняя у администрации наличие «антисоветского элемента» — без всяких протоколов, ограничиваясь записями типа «антисоветски настроен», «кулак» и т. д. Затем шли аресты. Люди Молостова ночью оцепили огромную площадку строительства оперного театра и в течение трёх дней арестовали до двухсот рабочих (арестов было бы ещё больше, но многим потенциальным жертвам удалось бежать через заборы). Среди чекистов шли разговоры, что это была не оперативная работа, а просто

какая-то охота, когда энкаведешники бегали по баракам, где жили строители, и хватали тех, кто значился в наскоро изготовленных списках. Рядовой сотрудник Транспортного отдела Г. Б. Румшевич руководил опергруппой поменьше и заявлял потом, что «операцию провёл успешно, репрессировав до 50 человек к-р элемента» [273] .

В ходе разработки операции было запланировано послать ответственных сотрудников управления на места во главе бригад следователей, чтобы придать операции должное ускорение и воспитать местных оперативников, которые, в отличие от сотрудников УНКВД, не имели примера в виде начальников отделов, сразу воспроизводивших московские схемы и методы следствия. В июле 1937 г. в Прокопьевск из УНКВД приехал начальник отделения СПО Е. Ф. Дымнов, который привез с собой готовую схему, начертанную на большом листе ватманской бумаги. Вечером весь оперативный состав был кратко проинструктирован, а затем брошен на аресты: «Ночью к зданию городского отдела были подогнаны около 15 грузовых автомашин с вооруженной охраной. По указанию Дымнова мы выехали на поселок Южный, где в основном жили спецпоселенцы, и, зайдя в их квартиры, подвергли аресту всех мужчин. Ордеров на арест у нас не было, так как не знали, кого будем арестовывать, брали всех подряд... свыше 200 человек.

Сразу же по приезде с операции ночью арестованных распределили между оперативными работниками, и нас заставили писать (по заранее заготовленной форме) постановления на арест, вернее, об избрании меры пресечения и ордера на арест. В это время руководством городского отдела, видимо, с участием Дымнова, был составлен список всех арестованных, которых вписали в заранее заготовленную схему повстанческой организации. Выписки из этой схемы были выданы каждому оперработнику, и было предложено писать протоколы допросов арестованных в соответствии с этой схемой... Как правило, первые два-три дня арестованные отказывались подписывать протоколы. Тогда некоторые оперативные работники подвергали арестованных избиению или вели длительные допросы без обедов и сна. Была организована внутрикамерная обработка арестованных, чтобы склонить их к подписанию протоколов».

В конце июля 1937 г. несколько опергрупп под руководством сотрудников управления УНКВД (среди них был, например, капитан-пограничник С. Т. Марченко) прибыли в Колпашево и принялась арестовывать и затем сплавлять арестованных на баржах. Тогда же 20 курсантов новосибирской Межкраевой школы ГУГБ НКВД были переброшены в Бийск, где начальник оперсектора Г. Л. Биримбаум инструктировал их «не стесняться в средствах и методах», т. к. новая обстановка позволяет игнорировать нормы УПК. Если, как заявлял оперативник Г. А. Скалыбердин, в Бийском оперсекторе начинающие чекисты писали по два-три листа протоколов в день, то осенью в аппарате Особого отдела СибВО норма была в 15–20 страниц, и если справка на арест выходила неубедительной, то начальник отделения приходил в ярость и лично показывал, как надо придумывать эффектные показания [274] .

Сразу после начала «массовых операций» Миронов велел начальникам оперсекторов сводить всех бывших белых офицеров, «кулаков» и бандитов в ячейки РОВСа, всемерно раздувая его численность. До весны 1938 г. Мироновым и его преемниками в ЗСК — Новосибирской области было арестовано 24.383 «ровсовца», относившихся преимущественно к так называемым «бывшим людям»: белым офицерам, чиновникам царского и колчаковского времени, «раскулаченным», торговцам, священникам, а также тем лицам, которые ранее уже подвергались репрессиям. Подавляющая часть прошедших по РОВСу — 21.129 чел., или 87 % — была расстреляна [275] .

В течение августа — ноября 1937 г. чекисты планировали провести «кулацкую операцию». Основная работа по поиску «кулаков» выпала аппаратам районных отделений НКВД, где на «антисоветский элемент» велись нередко многочисленные агентурные разработки. Сводка в УНКВД от Сузунского райотдела НКВД от 24 апреля 1937 г. сообщала о разработке организаций «Американцы» (шпионской) и «Беляки». На 1 мая 1937 г. Асиновский РО УНКВД имел 8 разработок по «контрреволюционным организациям». Начальник Змеиногорского райотдела НКВД М. А. Дятлов 13 июля 1937 г. сообщал в Запсибкрайком ВКП (б) о вскрытии двух контрреволюционных групп в 1936 г. и аресте 30 «врагов» в первой половине 1937 г.

Но были примеры и иного рода. Перед началом операции начальник Немецкого РО УНКВД ЗСК К. Г. Кестер заявил руководителям раймилиции, что «все кулаки и фашисты были арестованы ещё в 1933 г., поэтому в данное время в Немецком районе арестовывать не придётся». Многие райотделы НКВД, где была слабо поставлена агентурная работа, не имели на учёте сколько-нибудь значительного числа «враждебных элементов» [276] . Поэтому новая кампания для провинциальных чекистов с чисто технической стороны оказалась непростой.

Составленные в райотделах списки подлежащих аресту в оперсекторе сводились в единый большой список, который затем заверялся в управлении НКВД. Арестованных в рамках национальных операций отправляли в областной центр или оперсектор, с «кулаками» разбирались на месте. Начальник Татарского РО НКВД Т. Ф. Качин (по сообщению секретаря РК ВКП (б), «по разоблачению и выкорчёвке вражеских сил в районе» вёл «беспощадную борьбу») аресты поручал милиции и арестованных направлял в Куйбышевский оперсектор НКВД; дела же на «кулаков» оформлялись в самом райотделе.

Новосибирский оперативник С. П. Чуйков в 1940 г. писал, что документы на аресты оформлялись по большим спискам, подписанным начальством отдела, где были только установочные данные и компромат (офицер, кулак, участник к-р организации) без указания на его источник. Прокурор на списке писал, что «арест с № 1 по №№ санкционирую». Составленные в страшной спешке данные часто были ошибочны — чекисты приходили туда, где давно уже не жил подозреваемый, или он уже был арестован, или этот адрес вообще не существовал. Начальник КРО УНКВД по Новосибирской области Ф. Н. Иванов

в июле 1939 г. показал, что на тройке «никогда вопрос по существу дела не разбирался, дела сваливали в приёмной, а тройка решала вопрос по одной повестке...» [277]

Милиция также самым активным образом участвовала в репрессиях, арестовывая и допрашивая бесчисленных «врагов народа». Например, И. Л. Петров с июля 1937 г. по март 1938 г. работал помощником уполномоченного Змеиногорского райотдела милиции и был награждён четырьмя премиями от УНКВД по ЗСК и Алтайскому краю: «особенно проявил себя в... изъятии контрреволюционного элемента в кампанию 1937 г., непрерывно находился на данной работе как по изъятию, [так] и оформлению следственных дел» [278].

В августе 1937 г. руководство краевой милиции во главе с А. К. Альтбергом предлагало план оперативно-следственных мероприятий по материалам на работников Заготзерно «в направлении вскрытия организованного контрреволюционного вредительства с выходом на Краевой центр», всем ГОМ и РОМ давалось указание разработать оперзадания о реализации имеющихся агентурных дел и материалов по пунктам «Заготзерно». Сотрудники милиции активно участвовали и в массовых расстрелах, проявляя к жертвам не меньший садизм, чем их коллеги-чекисты [279].

Необходимо отметить, что масштабы чистки «социально-вредных» были близки к чисткам «врагов народа». За январь — ноябрь 1937 г. в Новосибирске было изъято около 7.000 чел. «социально-вредного и уголовно-преступного элемента», из которых около 5.000 к концу года были уже осуждены тройкой (видимо, имелись в виду работа как тройки УНКВД, так и милицейской тройки). Арестовывали облавами ранее судимых, бездомных, неработающих (как и при чистке больших городов в 1933-м); также не брезговали арестовывать и тех, кто приходил в милицию просто заявить об утере документов.

Милицейская тройка судила в Новосибирске по 35-й статье, каравшей за принадлежность к «социально-вредному элементу» (т. е. безработных, бездомных и т. п.) сразу по 300 и более человек. В Новосибирске к ноябрю 1937 г. проживало 464 тыс. чел.; таким образом, в течение второй половины 1937 г. было «изъято» (учитывая, что среди арестованных были уголовники-«гастролёры» и приезжие бродяги) до 5 % взрослого мужского населения [280].

Милиция работала точно так же, как и НКВД — хватала людей по набору компрометирующих признаков, часть арестованных передавала «соседям» для расстрела, а других судила сама с помощью тройки как социально-вредных. Характерно, что начальник милиции УНКВД по Ивановской и Новосибирской областям М. П. Шрейдер и тридцать с лишним лет спустя считал, что эта мера — внесудебное осуждение по приказу № 00447 — в отношении уголовников была совершенно правильной и могла бы применяться для борьбы с преступностью и в 1970-е гг. [281]

Активная агентурная работа в связи с размахом террора потеряла прежнее значение. Дела успешно фабриковались и без какой-либо серьёзной агентурной проработки. Из показаний осуждённых чекистов П. А. Егорова и Н. А. Сурова известно о провокациях с обнаружением оружия мифических заговорщиков (подобные факты известны и для начала 1930-х гг.). Так, пресловутый С. П. Попов во время командировки в Нарым специально закопал оружие для инсценировки последующего обнаружения и документирования арсенала «повстанческих организаций» [282] .

О сведениях личных счётов и использовании доносов в ходе арестов доказательно говорить сложно, ибо «сигналы» с мест зачастую спрятаны в тома так называемых оперативных материалов, которые не выдаются исследователям. Начальник Томского горотдела НКВД И. В. Овчинников отмечал, что «размах операции и огромная волна заявлений в ГО давали несравненно более, чем самая идеальная агентурная работа». Такие факты говорят о большой доносительной активности населения, хотя значительная часть заявлений была наверняка спровоцирована чекистами и исходила от агентуры.

В чекистской практике самым распространённым явлением оставалась наглая подделка документов — и подписей арестованных, и справок о кулацком или офицерском прошлом, о якобы имевшейся судимости. Руководитель Ояшинской раймилиции П. Л. Пилюга в 1958 г. показал, что начальник РО Филатов в июле 1937 г. получил пакет из УНКВД ЗСК, собрал оперсовещание с участием милиционеров и объявил о директиве относительно изъятия всего антисоветского элемента. Филатов разбил район на участки и поручил их оперативникам и милиционерам. Райком партии мобилизовал несколько коммунистов помогать — те собирали компроматериалы и допрашивали свидетелей. Пилюга отмечает, что свидетелями были в основном сексоты, которые хорошо знали, какие показания следует давать и охотно подписывали любые протоколы, так как знали, что в суд их не вызовут. Председатели сельсоветов, бывшие одним из излюбленных чекистами объектов вербовки, давали нужные справки, некоторые из них были особенно активны [283] .

При производстве массовых арестов у молодых оперативников проявлялись подчас нормальные человеческие реакции: одни могли добиться у разгневанного таким либерализмом начальника разрешения отпустить готовую родить женщину, другие, увидев перед собой инвалида без обеих ног, «испугались и ушли». Другие получали удовольствие от осознания своей власти и безнаказанности, возможности присваивать ценности во время обыска, изощрённо издеваться над приговорёнными к расстрелу. Оперативники делились на обласканных начальством активистов, получавших награды, премии и квартиры своих жертв, и остальных. В чекистской среде в обиходе были циничные клички — например, «борзописец», «колун», «смертельный колун». Барнаульского чекиста Т. К. Салтымакова называли «дядя-мухомор», поясняя, что от него «добровольно умирали люди» [284] .

Фантазия следователей-фальсификаторов подогревалась прямыми установками руководства, лично вносившего в протоколы допросов обширные дополнения. Лексика чекистов отразила это обстоятельство. Работник СПО УНКВД ЗСК С. С. Корпулев в письме в ЦК ВКП (б) писал: «Не случайно в лексиконе начальников отделов появилось такое выражение: «В этот протокол надо добавить пару бомбёжек, кусочек террорка, добавить повстанчество, привести несколько фактов диверсий — тогда он будет полноценным».

Методы допроса массы арестованных были соответствующими. Бывший оперативник Ленинск-Кузнецкого горотдела НКВД А. И. Савкин показал, что арестованных держали сутками сидя и стоя без еды и сна, и что он не помнит ни одного из них, кто бы подписал признание без физического и морального воздействия. А следователи от бессонницы «доходили до такого состояния, что не могли здраво рассуждать, и лично я был в таком состоянии, что своей жене не верил, что она советский человек» [285] .

К августу 1937 г. УНКВД по Запсибкраю вышло, как отметил Ежов, на второе место в общесоюзном соревновании по темпам разгрома «вражеского подполья». По словам одного из руководителей КРО, на деле РОВСа, «как некоторые следователи говорят, [они] «набили себе руку» до того, что заканчивали допросы на 5–6 человек в сутки. [...] «Колунство» было символом оперативных качеств работника. Были просто «колуны» и «смертельные колуны» — это такие следователи, от которых, как говорили, сам чёрт не уйдет без признания».

Самую активную роль в терроре играл первый секретарь крайкома. О судьбе «бывших людей» у Эйхе было мнение, абсолютно не расходившееся с точкой зрения руководства НКВД. Однако вместе с «массовой операцией» стремительно разворачивался террор и против номенклатурной верхушки края. Перед самым отъездом Миронов вырвал у Эйхе согласие на арест входивших в состав ЦК ВКП (б) второго секретаря крайкома партии В. П. Шубрикова и председателя крайисполкома Ф. П. Грядинского — они были арестованы 9 и 10 августа 1937 г., за несколько дней до выхода приказа НКВД СССР о немедленном откомандировании Миронова в Улан-Батор. В те же дни были схвачены заведующий крайздравотделом М. Г. Тракман, секретарь крайкома комсомола Н. Г. Пантюхов, другие члены крайкома партии [286] .

Первый секретарь хоть и неохотно, но отдал Миронову многих своих доверенных лиц, занимавших ответственные посты, Эйхе пришлось согласиться с унижительной для него идеей, что «правотроцкистские заговорщики» годами действовали под самым носом у бдительного секретаря крайкома. Активность Эйхе, Миронова, а также их преемников в уничтожении руководящих кадров региона настолько не вызвала сомнений у Сталина, что он ни разу не счёл нужным послать в Западную Сибирь кого-то из членов высшего руководства для подстёгивания репрессий.

Как руководитель тройки Сергей Миронов до середины августа 1937 г. успел вместе с Робертом Эйхе и прокурором Игнатием Барковым приговорить к расстрелу в Новосибирске до полутора-двух тысяч человек (к 9 августа было арестовано 12.686 чел., осуждено тройкой — 1.487, расстреляно — 1.254). Часть расстрелянных (порядка 10 %) составили представители преступного мира, которым, наряду с общеуголовными, предъявлялись и политические статьи УК: так, 9 августа 1937 г. за бандитизм и антисоветскую агитацию был осуждён к высшей мере наказания житель Кыштовского района А. С. Духович.

На казнях самых видных «заговорщиков» начальник управления присутствовал лично, подписываясь под актами о расстрелах, как, например, в случае с теми, кто прошёл по делу бывшего партизана И. Я. Третьяка. Расстрелами в городах занимались специально созданные опергруппы, руководимые начальствующим составом. Так, в Кемеровском горотделе НКВД осужденных расстреливала бригада под руководством помощника начальника горотдела Н. А. Белобородова, в Сталинске акты о расстрелах подписывал начальник ГО НКВД А. С. Ровинский.

Большинство жертв «массовой операции» было расстреляно, но значительную часть уничтожили гораздо более жестокими способами. Бывший начальник Куйбышевского оперсектора УНКВД Л. И. Лихачевский в августе 1940 г. показывал: «Осуждено к ВМН за 1937–1938 годы было ок. 2-х тысяч чел. У нас применялось два вида исполнения приговоров — расстрел и удушение... Всего удушили примерно 600 чел.». Среди работников барнаульской тюрьмы перед войной ходили рассказы о том, как в 1937–1938 гг. проходило уничтожение приговорённых к расстрелу: их пытали, а потом «убивали ломом и сваливали в большую яму».

Согласно показаниям начальника Учётно-статистического отдела УНКВД Ф. В. Бебрекаркле, первоначально Миронов заявлял, что так называемый «особый период работы» продлится недолго [287]. Он полагал, что «кулацкая операция», на которую Ежовым было первоначально выделено четыре месяца, решит вопрос с ликвидацией основных кадров «пятой колонны», и не думал, что эта бойня окажется прелюдией небывалых чисток. Его разговор со своим преемником Горбачом, состоявшийся весной 1938-го (о нём ниже), подтверждает версию об определённой «недальновидности» Миронова, доселе отлично ориентировавшегося в нюансах карательной политики и шедшего с опережением.

Диктатор Монголии

К 15 августа 1937 г., то есть за три недели с момента начала так называемой «массовой операции», в Запсибкрае было арестовано 13.650 человек (для сравнения: в Белоруссии — 7.894, в очень крупной Омской области — 5.656). Деятельность Миронова была признана образцовой, но для новой работы, которую для чекиста подыскал Сталин, был необходим формально штатский человек.

Получив сначала звание комиссара госбезопасности 3-го ранга, а потом и орден Ленина за сибирские дела, Миронов приказом от 15 августа 1937 г. неожиданно был зачислен в действующий резерв НКВД и получил секретное задание ехать в Монголию на смену только что арестованному послу (и одновременно разведчику) В. Х. Таирову, обвинённому в сговоре с японской военщиной с целью захвата МНР. На сборы дали три дня. Повышение было очевидным; вельможный Эйхе заискивающе прощался с Мироновым, надеясь на его возможную протекцию, и уверяя Агнессу в том, что они-де отлично сработались с Сергеем...

Правда, по дороге в Монголию ему пришлось испытать стресс, столкнувшись с ситуацией, когда явно пытали «своих». На каком-то полустанке Миронов с женой слышали душераздирающие вопли истязаемого. Этим пытаемым, как догадался Миронов, был его предшественник на посту полпреда, выдающийся советский разведчик Таиров, которого везли в одном из вагонов (арест Таирова долго скрывали от советских военных в МНР и монголов; Сталин лично 23 октября 1937 г. разрешил Фриновскому сообщить об изъятии Таирова органами НКВД военной верхушке, «но без того, чтобы монголы знали об этом») [288]. Такое открытие не вдохновляло, но на общем состоянии Миронова не особенно отразилось, хотя сам Сергей Наумович предпочитал ломать видных арестантов не вульгарными побоями, а при помощи проверенных способов — длительных ночных допросов, угроз, лживых обещаний, провокаций, а также так называемых выстоек, когда жертве сутками не давали садиться.

По пути в Монголию чекистский поезд остановился в Иркутске, где Миронов присутствовал при том, как Фриновский избивал допрашиваемого партийца. После экзекуции, видя подавленность Миронова, высокопоставленный палач не преминул блеснуть столичной осведомленностью — сообщил, что товарищ Сталин приказал бить врагов, пока те не сознаются... Видимо, этим избиением Фриновский передавал передовой опыт недостаточно просвещённым местным кадрам.

Кстати, другой ежовский заместитель — Лев Бельский, приехав в Новосибирск осенью 1937 г., сразу спросил: «Арестованных бьёте?» Местные чекисты, видимо, сочли надёжным промолчать о масштабных избиениях, которые практиковались с самого начала «массовых операций», но Бельский тут же дал установку: «Бейте, мы (т. е. центральный аппарат НКВД — А. Т.) бьём». Воспоминания Агнессы о рассказе Миронова относительно действий Фриновского подтверждаются опубликованными показаниями иркутского чекиста, присутствовавшего вместе с Мироновым при избиении Фриновским одного из арестантов [289].

Преодолевая свои эмоции, Миронов чувствовал себя выделенным для великой цели очищения СССР от остатков эксплуататорских классов, приобщённым к элите государства, поручившей ему вершить суд и расправу над тысячами и десятками тысяч. А монгольская командировка придавала его полномочиям международный характер.

Миронов понимал, что Сталин облёк его исключительно высоким доверием, назначив полпредом СССР в Монголии. Большая малонаселённая страна, пограничная с Китаем, где интересы Советского Союза столкнулись с интересами крайне агрессивной имперской Японии, представляла для вождя народов особую ценность. Все намёки на пятую колонну там должны быть выполоты столь же тщательно, как и в СССР.

На Дальнем Востоке пахло войной; машина с Мироновым и его семьёй от Улан-Удэ 600 километров ехала по дороге, вдрызг разбитой только что вошедшим в Монголию корпусом И. С. Конева. Монголия фактически была оккупирована, а всё ее руководство вскоре перестреляно в рамках борьбы с «гендуно-демидовским заговором» (П. Гендун был премьер-министром, а Демид — главкомом монгольской армии). Террор в МНР оказался намного более разнузданным, нежели в Советском Союзе.

В Улан-Батор вместе с новым полпредом прибыл замнаркома внутренних дел Михаил Фриновский, 13 сентября отправивший Ежову шифровку об аресте — с согласия Х. Чойбалсана и А. Амора — видного деятеля Энзона (якобы «английского резидента, перевёрбанного японцами») и его помощника Дамдина, а также о планах разгрома «ламской тибетской колонии» и проникновении «в сеть английской связи на Тибет и японской на Хайлар (Маньчжурия)»... В том же сентябре 1937 г. после посещения Фриновским и Мироновым Улан-Батора были введены — по предложению Фриновского — особые тройки для быстрого расстрела «врагов народа».

Миронов к этим карательным делам имел прямое отношение, выступая в качестве непосредственного руководителя истребления «врагов монгольского народа». Полпред Советского Союза в Монгольской Народной республике был не столько полномочным представителем, сколько фактически полномочным правителем этой страны, реально ставшей просто одной из республик СССР. Диктаторские полномочия Сергея Наумовича хорошо видны из его докладных в Москву. Террор, который развязал этот «дипломат», был чудовищен.

Полпред, разумеется, не замедлил быстро разобраться с сомнительными монгольскими чекистами. Уже 18 октября Миронов сообщал в НКВД (не в НКВД!) о вскрытии «большой контрреволюционной организации» в системе МВД Монголии и получении сведений от первого заместителя премьер-министра Чойбалсана насчёт показаний на прокурора МНР Борху и посылке их премьеру Амору для постановки вопроса об аресте. Да, так и было: первый вице-премьер сообщает советскому послу сведения, выбитые чекистами на прокурора, а посол направляет их главе монгольского правительства.

В феврале следующего года Миронов предлагал арестовать новых заговорщиков и просил «срочно помочь инструкторами». Этих инструкторов у Миронова было множество, и немалая часть из них, кстати, потом пошла под суд вместе с полпредом. 3 апреля 1938 г. он сообщил Фриновскому о результатах своей работы: арестовано по «заговору» к 30 марта 10.728 чел.,

среди которых преобладали ламы (7.814), а также буряты с китайцами (две тысячи), министерские чиновники и старшие офицеры (500 чел.) и феодалы (322 чел.). В планах Миронова было арестовать за апрель дополнительно четыре тысячи лам, а позднее — ещё две тысячи. К исходу марта уже было осуждено к расстрелу 6.311 чел., что составляло порядка 3 % взрослого мужского населения Монголии... Всего монгольские тройки в 1937–1939 гг. осудили более 25 тыс. чел., приговорив к смерти свыше 20 тыс., или 80 % [290]. Таким образом, Монголия потеряла до 10 % мужского населения.

Убыв весной 1938 г. из Улан-Батора на большое повышение в Москву, Миронов оставил в МНР своим преемником выдвинутого им ещё в Сибири человека — бывшего помначальника КРО УНКВД по Запсибкраю М. И. Голубчика. Тот продолжил линию Миронова, а в положенное время был снят и осуждён по «сталинскому списку» к высшей мере наказания.

Для массовых карательных акций 30-х годов характерен их выход за национальные границы. В первой половине 30-х годов монгольские власти по указаниям из Москвы арестовывали и выслали в СССР русских эмигрантов, а советские чекисты во множестве арестовывали на территории МНР как русских, так и монголов с бурятами, после чего вывозили их в СССР для расправы. В 1937–1938 гг. на территории МНР были выявлены свои «враждебные национальности», в связи с чем, наряду с монголами, с помощью НКВД активному истреблению подверглись китайцы и буряты [291]. Дирижёрами террора в Монголии стали С. Н. Миронов и М. И. Голубчик, исполнителями — многочисленные советники и инструкторы НКВД, прикомандированные к МВД МНР. Отметим, что советские чекисты приняли активное участие в массовых репрессиях и на территории Тувы.

Вот некоторые из попавших под вполне заслуженное (но зачастую мягкое) наказание кадров, помогавших Миронову и Голубчику в истреблении монголов и арестованных в основном летом 1939 г.:

Советник НКВД в Монголии Л. Б. Кичков был осуждён 21 февраля 1940 г. (в один день с Мироновым!) за массовые аресты партийно-государственных деятелей и граждан МНР. 22 февраля 1940 г. расстреляли и инструктора восточного отдела МВД МНР лейтенанта ГБ В. Л. Светлова-Хейфеца, арестованного в мае 1939 г. (впоследствии реабилитирован). Ф. Я. Яковлев, в 1936–1939 гг. работник МВД МНР, арестован в июне 1939 г. и осуждён Военной коллегией Верховного суда СССР на 15 лет за антисоветскую деятельность. А. П. Алексеев, в 1937–1939 гг. начальник отделения особого отдела 57-го особого корпуса в МНР, в июле 1939 г. арестован за нарушения законности и осуждён Военной коллегией Верховного суда СССР на три года заключения [292].

Советник МВД МНР с мая 1938 по июнь 1939 г. К. Я. Шустов был осуждён на 15 лет за антисоветскую деятельность. Бадма Будаев, бурят, с конца 1937 г. и по день ареста работал в Монголии инструктором при МВД МНР. Арестован в 1939-м и получил 8 лет лагерей (реабилитирован). Другой бурят, Д. Р.

Цыдендамбаев, с 1936 г. работал по линии НКВД СССР в МНР, был репрессирован. А. Н. Лобиков, в 1936–1939 гг. инструктор МВД Монголии, в июне 1939 г. был исключён из партии за развал шифрработы, выполнение директив об истреблении монгольских кадров, вскрытие писем в адрес инструкторов МВД и в Москву; осуждён на три года заключения [293] .

Инструктор МВД МНР Н. И. Спирин был арестован в январе 1939 г. и осуждён Особым совещанием НКВД на три года заключения как участник антисоветской организации, ставившей целью необоснованными репрессиями озлобить население МНР против народно-революционного правительства. С этой целью он проводил массовые аресты командиров НРА, фальсифицировал дела, применял извращённые методы следствия. Инструктор погранвойск НКВД в МНР К. Н. Зайчук был арестован в июле 1939 г. и в следующем году Военной коллегией Верховного Суда СССР осуждён на 10 лет; освобожден в 1950 г.

Заодно с чекистами-советниками пострадал и комдив Н. Н. Литвинов, командир 7-го конного корпуса, с сентября 1937 г. работавший военным советником Главкома Монгольской Народно-Революционной армии. Арестованный в 1939 г. как участник контрреволюционного заговора в МНР, Литвинов оказался осуждён на 8 лет — за то, что «попал под личное влияние полпредов СССР в МНР Миронова и Голубчика, впоследствии разоблачённых в антисоветской заговорщицкой деятельности, не вскрывал действительных причин крайне тяжёлого положения Монгольской Народно-Революционной армии и не принимал, как военный советник, мер к их устранению» [294] .

...Агнесса в своих мемуарах приводила колоритные детали монгольского быта, не без ужаса вспоминая о местных нравах: «А гигиена! Кому приспичит, просто присаживается под забором на корточки, правда, халатом прикрывается. Увидит меня, приветствует любезнейшим образом, а сам... Приказ был — прогонять всех из-под заборов, устраивать уборные». Но монголы отказывались копать землю, считая ее телом бога, и даже мертвецов не зарывали, а вывозили в степь, в долину смерти... Агнесса слала родичам с диппочтой посылки, набитые шоколадом, тканями и пачками денег, щеголяла на дипломатических приемах невероятными туалетами, которые жёны монгольских сановников раболепно копировали. «Жила, как зажмурившись», — вспоминала она впоследствии о своей шикарной жизни [295] .

Наконец, Миронов завершил основной разгром «врагов», передал бразды шенцику и убыл в Москву — фактическим заместителем наркома иностранных дел по Дальнему Востоку. По пути в столицу он остановился в Новосибирске, где встретился с начальником управления НКВД Григорием Горбачом. Тот сообщил Миронову, что к апрелю 1938 г. им было арестовано по три состава районного и областного руководства. Миронов показывал: «Я спросил у Горбача, неужели всё это безнаказанно проходит, ведь этого скрыть от широких масс невозможно (хотя сам Миронов совершенно не боялся, что монгольские массы узнают об исчезновении практически всех руководителей страны и тысяч лам — А. Т.). Он ответил, что я отстал от современных темпов» [296] .

Конечно, «бывшие» должны были быть уничтожены. Но арест трёх составов партийно-советского начальства Миронов воспринял как что-то экстраординарное: дескать, одно дело — какие-то кочевые монголы, другое дело — непрерывный террор у себя дома в течение почти года. Не слишком ли? Для разгрома всех заговорщиков достаточно было поменять руководство один раз, но никак не трижды...

По воспоминаниям Агнессы Мироновой, даже правая рука Ежова Фриновский при ней рассказал Миронову, как при случае посмел осведомиться у Сталина, не слишком ли много крови? На что Сталин, усмехнувшись, велел Фриновскому не беспокоиться: «Партия всё возьмёт на себя!» Однако не исключено, что в тех словах Сергея Наумовича была и ревность к своему бывшему заму Горбачу, который чересчур много чистил уже после Миронова, разоблачая тех, кого тот счёл проверенными. Ведь Горбач к тому времени расстрелял как румынского шпиона даже оперсекретаря управления НКВД и лихого разведчика периода гражданской войны Л. И. Макова, ранее состоявшего при Миронове... [297]

«Я принёс большой ущерб государству...»

Будучи в Монголии, Миронов уже отлично понимал — нельзя останавливаться самому. Нужно предлагать новые и новые карательные акции — захотят, сами остановят. Иначе — судьба целого ряда региональных чекистов-начальников, расстрелянных за недостаточную активность в репрессиях. Перемещение в Москву он воспринимал как полное доверие вождя к своему верному слуге, прекрасно справившемуся с ответственным поручением.

В столице Мирошу и Агу ждала шестикомнатная квартира в знаменитом Доме правительства и бесконечные приёмы, на которых эта блестящая пара обращала всеобщее внимание. Мундир комиссара госбезопасности был сменён на безукоризненный фрак, но полного спокойствия всё же не было — аппарат наркомата иностранных дел «чистили» беспощадно. Как-то кузен Миронова, видный разведчик-нелегал М. Д. Король, жёстко сказал родственнику: «У тебя, наверное, руки по локоть в крови. Как ты жить можешь? У тебя остается один только выход — покончить с собой». На это Миронов не менее жёстко усмехнулся: «Я — сталинский пёс и мне иного пути нет!»

По информации Агнессы, Сталин не раз встречался с Мироновым, присматриваясь к нему и демонстративно игнорируя присутствие наркоминдела М. М. Литвинова. Возможно, он планировал бывшего чекиста на пост наркома, но затем окончательно решил идти на тесное сближение с Гитлером и всё переиграл. Возглавить наркомат должен был истинный ариец. Литвинов каким-то образом всё же уцелел, а его заместители и начальники отделов НКВД косяком пошли под нож.

Фриновский, давний покровитель Миронова, был переведён из НКВД во флот и потерял прежнее значение. Сам Сергей Наумович, очень довольный постоянными повышениями, до некоторых пор не опасался попасть под пулю.

Но в конце 1938-го целыми толпами в тюрьмы загремели, казалось, все, кто имел отношение к НКВД — начальники отделов союзного НКВД и главы местных управлений НКВД — все, как на подбор, орденосцы и депутаты. Одновременно благополучно перешедший в НКВД Миронов стал свидетелем расправы над множеством дипломатов — и только тогда испугался по-настоящему. Миронов со временем всё больше и больше боялся ареста и, твердя жене: «Я ничего не понимаю, ничего!», даже забаррикадировал комодом дверь грузового лифта, поднимавшегося прямо в квартиру. Он очень опасался, что его могут взять спящим и под подушкой постоянно держал именную маузер.

Новый, 1939-й, год Мироновы встретили на ёлке в Кремле, сидя неподалеку от вождя народов. А уже 6 января Миронова арестовали. Неурочный вызов на работу прямо с дружеской вечеринки объяснил ему всё. Маузер Миронова лежал в квартире, где его наверняка ждали. Побродив шесть часов по улицам Москвы, замнаркома обречённо пришёл в НКВД, откуда его сразу увезли на Лубянку [298] .

Следствие по делу (вёл его напористый и беспощадный Павел Мешик, четырнадцать лет спустя удостоенный чести получить пулю вместе с самим Берией) шло больше года. Много знавший и много чего наделавший Миронов был обречён. И сибирские, и монгольские дела превращали его в заговорщика, «сообщника Ежова» (об этом вспоминал в 1953 г. сам Мешик, уже будучи под стражей), стремившегося дискредитировать советскую власть незаконными репрессиями.

Понимая правила игры, на следующий же день после допроса Берией, 27 января 1939 г., Миронов написал новому наркому внутренних дел обычное для практики тех лет заявление, в котором заявил о готовности с полной откровенностью изложить известные ему факты враждебной деятельности, проводившееся в органах НКВД Ежовым, Фриновским и другими руководителями. И заявил о том, что в июле 1937 г. Фриновский ему поведал, что Ежов намерен свергнуть руководство страны и лично встать у руля. Для этой цели Ежов намерен использовать аппарат НКВД и обстановку массовых репрессий с целью вызвать всеобщее недовольство и недоверие к власти [299] . Между тем арест Ежова и Фриновского последовал только в апреле 1939 г.

На следствии Миронов, в частности, показал: «За период своей антисоветской деятельности в Новосибирске до августа 1937 г. я принёс большой ущерб государству. Он определяется не только количеством невинных жертв, но и теми настроениями населения, которое воспринимало эти аресты. [...] Я, как участник заговора, пропускал через тройку липовые дела на лиц, среди которых была некоторая часть ни в чём не повинных партийных и советских активистов. [...] Я успел пропустить через тройку около (далее в документе следует прочерк — А. Т.) человек и за все невинные жертвы, попавшие в это число, несу ответственность». Признал Миронов вину и за преступления, совершённые в Монголии [300] .

Незадолго до ареста Миронов на всякий случай договорился с женой об условных фразах, которые будут говорить о ситуации на следствии. Миронову разрешали писать, и несколько месяцев он сообщал, что дела идут неплохо. Но, получив очередное письмо, Агнесса поняла, что всё идёт к страшной развязке. И неудивительно — Миронов (вместе с другими серьёзными арестантами, числившимися за Мешиком — М. С. Кедровым, его сыном разведчиком И. М. Голубевым) по указанию бериевского зама Б. З. Кобулова был переведён в страшную Сухановскую тюрьму. Вероятно, потому что поначалу отрицал заговорщицкую деятельность, надеясь быть обвинённым только в служебных преступлениях и уцелеть. Камеры в Сухановке были нарочно сделаны сырыми и холодными, а следователи особенно изощрённо истязали свои жертвы. Что касается Мешика, то он подчас появлялся в тюрьме совершенно пьяным и бросался избивать заключённых [301].

Между тем вождь народов в январе 1940 г. согласился с предложенным Берией большим расстрельным списком на почти четыре сотни человек, в котором оказались и десятки видных ежовцев вместе с самими Ежовым и Фриновским. Там же оказались и И. Бабель с Вс. Мейерхольдом, и П. Малянтович с М. Кольцовым. Первая жена Бухарина Надежда Лукина, брат Ежова, жена и сын Фриновского, Роберт Эйхе также не избегли попадания в этот проскрипционный список. Сам Миронов, работавшие начальниками отделов у него в Сибири А. И. Успенский, С. П. Попов и И. Я. Бочаров тоже были в этом списке, так же как и приглашённые им в МНР новосибирские контрразведчики М. И. Голубчик и А. С. Скрипко...

Утром 22 февраля 1940 г. Агнесса проснулась от непонятного давящего чувства и на всякий случай записала дату. Много лет спустя она узнала, что именно в ночь на 22 февраля Миронова расстреляли по обвинению в заговорщицкой деятельности [302].

Агнессу же не тронули, ограничившись конфискацией имущества и квартиры, но в годы войны её посадили соседи по коммуналке, донеся куда следует об «антисоветских» разговорах. Жизнелюбивая и волевая Ага перенесла лагерные ужасы Казахстана, и после освобождения вернулась в Москву, деятельно, но тщетно добиваясь реабилитации Мироши. Тогда власти оправдали многих сгинувших в предвоенных чистках чекистов, но на Миронове висело слишком много грехов даже с точки зрения снисходительной к палачам прокуратуры. Агнесса, не зная, что кремированные останки Миронова покоятся в общей могиле «невостребованных прахов» на кладбище Донского монастыря, говорила: «...Никогда не будет места, куда бы я могла прийти и оплакать Мирошу. И это ему посмертная кара» [303].

Даже в старости Ага была очень хороша собой и обожала широко отмечать свои дни рождения. Остроумная, подвижная, великолепная рассказчица, она привычно блистала, приковывая к себе внимание многих людей. Особенно ей удался последний день рождения, в 1979-м. Вскоре она умерла, оставив у

знавших её людей незабываемое впечатление рассказами о жизни, прожитой на смертельных качелях советской истории.